

Уборский А.В.

Корни семьи

(Антология в 4-х томах)

Том 1

Корни

Книга 3. Дайджест

Уборский А.В.

Потомкам моим – ближним и дальним

Корни семьи
(Антология в 4-х томах)

Том 1. Корни
Книга 3. Дайджест

Москва
2023

УДК 929.52

ББК 63.2

Уборский А.В., Корни семьи (Антология в 4-х томах): Том 1. Корни. Книга 3. Дайджест – М.: Самиздат, 2023. – 54 с.

Состав Антологии:

Том 1. Корни. Представлен в 3-х книгах.

Книга 1. Материалы исследований. Включает в себя собрание результатов исследований корневых генеалогических (фамильных) ветвей, выполненных автором, и охватывает период от начала второго тысячелетия до начала XXI века.

Книга 2. Фотогалерея. Альбомы фотографий по корневым фамильным ветвям.

Книга 3. Дайджест. Сокращённый вариант материалов исследования.

Том 2. Эпистолярное наследие. Включает очерки, составленные автором исключительно из сохранившихся писем, дневниковых записей, воспоминаний персонажей семьи с авторскими комментариями и разъяснениями.

Том 3. Генеалогические очерки. Включает в себя тематические очерки, написанные автором по результатам историко-генеалогических исследований.

Том 4. Разное. В книгу вошли отдельные документы, переписка по исследованию корней, размышления автора по текущим событиям и другое, имеющее отношение к семье, но не вошедшее в предыдущие книги.

Антология «Корни семьи» создана прежде всего для потомков автора. А также для всех интересующихся семейной историей – как своей, так и чужой. Здесь есть многое, что может заставить призадуматься о текущем бытии, а может и пригодиться начинающим исследователям.

Полагаю, что Антология может быть интересна и будущим создателям литературных, сценических, визуальных произведений как исходный документальный материал прошедшей жизни. И будущим исследователям прикладных задач в сфере культурного наследия, культурологии, социальной и гражданской идентичности, истории, феноменологии семейных традиций и т.п.

Автор сознательно называет себя в текстах «составителем» написанного. Предлагаемые читателю истории писали предки – своими делами, вошедшими в историю, своими воспоминаниями, письмами, дневниками.

УДК 929.52

ББК 63.2

Произведение доступно без ограничений, в том числе копирование с указанием авторства. Коммерческое использование должно быть согласовано с автором (правопреемником).

В оформлении обложки использованы мотивы акварели Г.В. Одинцова «Село Уборы».

Верстка книги – А.В. Уборский

© А.В. Уборский

Оглавление

Введение	4
Уборские	6
Гагманы	14
Вяткины	21
Грачевы	31
Лангинен	39
Уборские XX век	44
Дризены	47
Эриксон	50

Введение

Семья Уборских включает в себя Андрея Вадимовича¹ и Галину Михайловну,² их детей, внуков, правнуков.

Стремление человека познать – откуда и чей он, лежит в его природе, но у одних – это стремление может почти не проявляться, а у других становится своеобразным смыслом жизни. А поскольку понимание этого смысла приходит с опытом, то и увлечение собственной историей становится, как правило, возрастным.

Не стало исключением и желание составителя собрать материал о своих предках, чтобы донести его до своих потомков. Желание это сформировалось в середине 80-х годов XX столетия, когда ещё были живы многие из предыдущего поколения – мама, её родные и двоюродные братья и сестры. И самое главное – были сохранены многие вещественные свидетели прошлой жизни: письма, открытки, фотографии, записки и воспоминания, предметы быта и мебели.

Именно они и сохранившиеся в памяти воспоминания родственников, а также исследования архивных источников и публикаций, легли в основу сформированных повестей по корням семьи и генеалогических очерков, вошедших в Антологию. Собранный материал позволил выстроить основные контуры истории семьи, заложить основу для продолжения целенаправленных поисков дополнительной информации в архивах, библиотеках, музеях, дополнения существующих и написания новых очерков.

Цель Антологии – не научная публикация, а компиляция имеющихся на данный момент материалов, доступная всем интересующимся своей историей членам большой семьи. Семьи, имеющей различные фамилии, но связанной родственными узами и отношениями.

Фамильные истории обладают специфической привлекательностью. В них всегда есть некая тайна, недосказанность. С другой стороны, в них отражается время, в котором жили предшествующие поколения. Разные судьбы по-разному отражаются, но если они объединены временем, то само время становится более выпуклым, окрашенным разными красками.

Составитель Антологии на момент подготовки настоящих материалов выполнил основной объем исследований. Удалось проследить историю жизни многих поколений большинства фамильных родов, давших жизнь составителю и его семье. В то же время осталось много невыясненных деталей, событий, которые могут быть интересны как сами по себе, так и в разрезе исторических, социальных, психологических оценок. Составитель благодарен судьбе, что она позволила двум старшим поколениям (родители, прародители) в насыщенный многими лишениями XX век сохранить свою жизнь и большинству из них в полной памяти перешагнуть 80-летний рубеж.

Прежде всего благодаря им, их рассказам, запискам, письмам, сохранившимся вещественным свидетелям времени удалось начать исследования корней.

---

¹ Составитель очерков и повестей под общим названием «Корни семьи».

² Супруга составителя.

Низкий поклон работникам архивов, музеев, библиотек, самоотверженно исполняющим своё благородное служение.

Составитель очерков предпринял попытку показать фактурность истории одной семьи в разрезе временных периодов и географических границ. Не претендуя при этом на литературность изложения, но сохраняя надежду, что кто-то из «владеющих пером» потомков, используя литературные приёмы, допустимые домыслы и фантазию, сможет изложить историю семьи в форме увлекательной саги.

Очерк начинается с историй носителей фамилий родителей составителя и его супруги (Уборские, Гагманы, Вяткины, Грачевы, Лангинен). Объединяются истории в главу Уборские XX век.

В очерк включены также выявленные фамильные линии более далёких предков и родственников, представляющие интерес для потомков семьи Уборских (Дризены, Эриксон).

Уборские

Уборские – как, когда и на каких просторах появилась эта фамилия? Этимология появления фамилии подробно рассмотрена в части 1 тома 1 Антологии.

Здесь же отметим, что фамилия Уборский встречалась и много веков назад. Так в XVI веке Иван Грозный вёл переписку с литовским шляхетством и рыцарством, среди них был Пётр Уборский. Была также обнаружена ссылка на епископа Уборского из Кракова, который в середине XIX века строил храм Св. Николая Чудотворца. На территории бывшего СССР было выявлено несколько носителей фамилии, не являющихся родственниками исследуемой семьи. Все указанные Уборские имеют корни, уходящие в Западную Украину и в Польшу. При этом только один из выявленных «западных» Уборских, проживающий на момент написания текста на Дальнем Востоке, имеет перспективу продолжения рода.

Среди многих версий образования фамилии Уборские постепенно сформировалось предположение, что фамилия имеет церковное и географическое происхождение. Основанием версии были сведения, что дед составителя Уборский Иван Николаевич закончил Ярославскую духовную семинарию, в семье Уборских малолетний составитель этого очерка летом увидел проветриваемый непонятный халат со странным названием ряса, в корне фамилии присутствует географическое понятие «бор».

Потребовалось несколько лет, чтобы предположения подтвердились. Священник церкви Спаса Нерукотворного образа в селе Уборы, что на левом высоком берегу реки Москвы в нынешнем Одинцовском округе, Стефан Стефанов Гуриновский дал фамилию Уборский каждому из четырёх своих сыновей, отправляя их по очереди учиться в Звенигородское духовное училище.

Кратко об истории села Уборы. Разъезжая грамота³ 1504 г. упоминает один из заливных лугов на левом берегу реки Москвы между Звенигородом и Москвой – Изборск. Некоторые из исследователей считают, что этот луг дал имя поселению. Другие склонны считать, что Уборы связаны с понятием «бор» (сухой сосняк), который сохранился и до наших дней на недалеко расположенной Николиной горе.

Рядом с селом протекает ручей Уборка (он же Масловский ручей), получивший название уже от имени села. Ручей берет начало на Николиной горе, протекает через болото близ Маслова и, не доходя до левого берега реки Москвы, уходит в песок высокого берега, разгружаясь в реку. С помощью запруд на ручье сформировано несколько прудов.

Конец XVI - первая половина XVII вв. «Малый ледниковый период» опустошил деревни и города, войны смутного времени разорили население, на месте многих населённых пунктов образовались пустоши. Но Уборы устояли. Уже в

---

³ Разъезжая грамота - межевая книга, запись.

1673 г. был построен деревянный храм, по посвящению которого во имя Спаса Нерукотворного Образа, деревня стала называться селом Спасским. К исходу XVII века зодчим Яковом Бухвостовым на месте прежней деревянной была возведена новая каменная церковь – один из шедевров русской архитектуры. Но новое название села Спасское не закрепилось, сохранилось красивое имя – Уборы.

Старая дорога из Москвы в Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, в который несколько столетий ездили князья, бояре, ходили пешком богомольцы, пролегла по левому берегу реки Москвы недалеко от села Уборы. С дороги открывался замечательный вид – стройный силуэт храма буквально возносится над окружающими село полями и лугами.

Современная история села и церкви типична для конца XX начала XXI вв. Церковь восстановлена, проводятся службы. Но сегодняшний пейзаж не заслуживает внимания. Село превратилось в дачно-коттеджный посёлок с высокими глухими заборами и шлагбаумами. Но церковь Спаса Нерукотворного Образа так и осталась «в Уборах».

Священник церкви села Уборы Стефан Стефанов Гуриновский прослужил в ней более 40 лет, умер в возрасте 63 года. Похоронен рядом с храмом.

Родоначальником сегодняшней семьи с фамилией Уборские является средний сын Стефана Гуриновского – Константин. Он, его братья, племянники произвели большое потомство, носившие фамилию Уборские, но к настоящему времени продолжение имеет только одна фамильная линия.

В материалах генеалогических исследований указан и более ранний предок этой линии рода. Священником небольшой деревянной церкви во имя Святых Мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии,⁴ построенной в 1773 году при Миусском кладбище за Камер-Коллежским валом Москвы, был Стефан Осипов, отец Стефана Гуриновского.

Архивная запись: «Константин Уборский Звенигородской округи села Уборы Спасской церкви священника Стефана Стефанова сын, лет от рождения 11, время зачисления в училище⁵ августа 26 дня⁶ 1820 года...»

Как-то общим местом стало ругать бюрократию. Но именно благодаря ей мы сегодня знаем дату рождения фамилии семьи.

В начале XIX века обучение мальчиков – детей священно- и церковнослужителей, было обязательным. Для этого были созданы уездные и приходские духовные училища (бурсы). Училища были в уездных городах, дети вынуждены были жить в бурсе. Обстановка в бурсах красочно описана отечественными писателями и мемуаристами⁷ (интересующимися историей – полезно прочитать). Она везде была разная, но отношения в замкнутом мужском разновозрастном

---

⁴ Храм действующий, с 1823 г. – каменный.

⁵ Четырёхклассное Звенигородское духовное училище.

⁶ Что соответствует 7 сентября по современному стилю исчисления дат.

⁷ Помяловский Н.Г. Очерки бурсы.

Страницы истории России в летописи одного рода :(автобиогр. записки четырёх поколений рус. свящ.), 1814-1937. М.: Отчий дом. 2004

коллективе не могли быть безоблачными. Некоторые родители записывали своих детей в училища, но обучали их дома. Священники, окончившие семинарии, имели право быть учителями. В училищах же их дети сдавали испытания (экзамены).

В училище принимались дети, окончившие трёхклассную начальную школу. Но как свидетельствуют сохранившиеся архивные записи Константин Уборский начальный курс проходил дома. Приёмные экзамены проходили в конце августа. От поступающих в первый класс требовалось знание молитв, тропарей⁸, заповедей, событий священной истории, умения читать по-церковнославянски, выразительное чтение наизусть небольших стихотворений и басен. Дети должны были иметь представление о предложении, частях речи, склонении и спряжении, арифметических действиях. Учебный год начинался с первого сентября, учили арифметике, географии, латинскому, греческому, русскому, церковнославянскому языкам, церковному пению. Дети из духовных семей обучались или бесплатно, или с полной и неполной оплатой в зависимости от доходов отца. Ученики, успешно окончившие курс училища, принимались без экзаменов в семинарии.

Возраст поступающих в училище был разный. Учёба в бурсе могла быть и более 4-х лет, так как некоторые учащиеся оставались в одном классе два и более года.

Сколько и как учился Константин в училище неизвестно. Но уже в 18 лет по окончании училища он был благословлён на место пономаря⁹ церкви Архангела Михаила в селе Михайловске Рузского уезда. Желания продолжить учёбу в семинарии, видимо, не было.

В церковной среде была широко распространена практика «наследования» или получения в «приданое» места священника или церковнослужителя. Эта практика была продиктована стремлением церкви о попечении над детьми и вдовами умерших священно- и церковнослужителей. Если у ушедшего из жизни был сын, который по возрасту и образованию мог занять место отца, то, как правило, его и благословляли на эту должность. Тогда попечение о вдове – матери, о младших братьях и сёстрах ложилось на его плечи. И дом, в котором жил с семьёй умерший, оставался за семьёй. Если у умершего была дочь на выданье, её сватали за выпускника духовной семинарии или училища, которого и назначали на место умершего. Тогда попечение о вдове и её малолетних детях ложилось на зятя. Дом также оставался за семьёй.

Место пономаря Константин Уборский получил в «приданное». Из клировой ведомости¹⁰ за 1829 год узнаем: «Пономарь Константин Стефанов Уборский, священнический сан из приходского Савинского училища в 1828 году июля 10 дня. Определён преосвященным Иннокентием на настоящее место в пономари... В семействе у него жена Мария Егорова, дочь его Евдокия. На его попечении:

---

⁸ Тропарь в православной церкви — краткое молитвенное песнопение.

⁹ Пономарь – низшая по иерархии должность церковнослужителя, прислуживает в церкви, зажигает свечи, готовит кадило, звонит в колокола.

¹⁰ Клировая ведомость – документ о службе лиц духовного сословия. По закону считался актом, удостоверявшим состояние лиц духовного звания.

оной же церкви умершего пономаря Егора Иванова жена – вдова Варвара Петрова,¹¹ живёт на пропитании пономаря. В сиротстве у неё дети: Алексей (обучается в училище)».

С этого момента Мария Егорова и её отец становятся предками семьи Уборских, но их история не изучена.

Из того же источника:

«Церковь Архангела Михаила построена в 1702 г. Чьим тщанием – неизвестно. Здания деревянные с деревянной колокольной. Штат – священник, диакон, дьячок и пономарь. Земли при сей церкви усадебной одна десятина, пашенной и сенокосной 33 десятины, из них 6 состоит в обиходе и удобна, остальные неудобны и не используются. Дворы священно- и церковнослужителей собственные деревянные на церковной земле. Священно- и церковнослужители постоянного оклада не получают. Содержание и льготы не худое – в приходе 6 деревень, домов всего 174, мужчин 652, женщин 694».

В 1812 году село было в стороне от основного направления передвижения и русских и наполеоновских войск. Руза была занята французами, военные стычки были южнее города, село Михайловское находится примерно в 15 километрах на север. Фуражиры могли совершать набеги, но в целом село не пострадало.

Делая записи в метрических книгах церкви, пономарь заверял их подписью – Уборский Константин Стефанов. Но во второй половине 1839 года запись изменилась на Уборский Константин Иванович. Видимо были введены новые правила правописания имён и фамилий.

К 1842 году у Константина Уборского уже трое детей – Евдокия, Михаил, Стефан. К 1846 году к ним добавятся ещё братья – Николай и Александр.

Сыновья Константина Уборского – Михаил, Стефан, Николай и Александр вряд ли задумывались о своём будущем. Отец решил продолжить традицию и направить сыновей по семейным стопам – служить Богу и Церкви.

Ближайшим было Звенигородское духовное училище, в котором в своё время учился их отец. Мальчики учились, скорее всего, там. После окончания училища сыновья Константина Уборского разлетелись из семейного гнезда. Следы Михаила затерялись, Стефан, Николай и Александр продолжили учёбу в семинариях.

Сколько лет прожил Константин Уборский – не установлено. Последние записи в метрической книге за 1864 год заверены им. За следующие года метрические книги не обнаружены.

Переходим к поколению детей Константина Уборского.

В Подмосковье действовали три семинарии – Московская, Перервинская и Вифанская.

Старший сын Константина – Стефан, решил учиться в Московской духовной семинарии, которую окончил его дед. Николай и Александр учились в Вифанской семинарии, недалеко от Сергиевского Посада.

---

¹¹ Тёща Константина Уборского

Учёба в семинариях продолжалась 6 лет по почти одинаковым программам. Уровень подготовки семинаристов был очень высокий. Сохранились программы обучения по словесности, еврейскому, греческому, немецкому, французскому языкам, церковной истории, богословию, гражданской истории, математике, философии.

В низшем отделении семинарии (1 классе) учащимся предлагалось на выбор написать сочинения по следующим темам: описание родины, не ленись посещать больных, чти отца твоего и мать твою, не ищи удовольствия в частых увеселениях и не прилепляйся к пиршествам, торжество по случаю обнаружения манифеста сего года, от чего зависит занимательность или интерес в сочинении, употребление иностранных слов не вредит ли чистоте русского языка, для истинного поста довольно ли одного воздержания от известного рода пищи, отчёт о прочитанных книгах и статьях с указанием плана и главных мыслей, опыты в составлении стихов, какое различие между поэзией и прозой, какие и как нужно читать книги, гроза, рекреация. Успешные ученики писали до 8 сочинений за полугодие.

Стефан закончил Московскую духовную семинарию в 1860 г. по 2 разряду, по выпуску был определён в священники в Звенигородском уезде. В 1885 году он священник церкви Рождества Иоанна Предтечи в селе Садки, за службу по духовному ведомству награждён Святейшим Синодом ко дню святой Пасхи скуфьёй.¹² Сведения о продолжателях рода Уборских по линии Стефана не обнаружены.

Николай Уборский, в последующем прадед составителя очерка, поступил в семинарию 1 сентября 1856 г. Определён на полупансионе, что говорит о среднем достатке семьи. В высшем отделении (выпускном) за вторую половину 1860/1861 года сохранились ведомости по испытаниям Николая Уборского по классам богословских наук, церковной истории и литургии, еврейского языка, Священного Писания. По уровню подготовки был в группе сильнейших. Окончил семинарию в 1862 году по 1 разряду, дающему право продолжить учёбу в Академии или занять место священника. О его судьбе – прадеде составителя очерка, будет сказано ниже.

Александр Уборский закончил Вифанскую семинарию в 1868 г., по второму разряду, в последующем священник церкви Димитрия Солунского в селе Дмитровское Звенигородского уезда, что в нескольких километрах от села Уборы. В 1892 г.: «в семействе у него: жена Ольга Стефанова 37 лет, дети их Мария 18 лет, Павел, Николай, Анатолий, Клавдия, Глафира 3 года». Служил исправно, преподавал в местной школе. Сыновья Александра Уборского – Павел, Анатолий, Николай продолжили семейную традицию.

Составитель очерка не обнаружил свидетельств, что Николай Константинович Уборский после окончания Вифанской семинарии в 1862 году продолжил обучение в Духовной академии, право на которое он получил за прилежание в

---

¹² Скуфья – повседневный головной убор православного духовенства и монахов. Церковь Рождества Иоанна Предтечи сохранилась и действует.

семинарии. Выпуск по 1 разряду открывал также возможность занять хорошее место священника, для этого нужно было жениться.

Но следы Николая Уборского теряются на 3 года. В архивах обнаруживается его формулярный список, составленный в 1870 году. Первая запись – «из духовного звания», далее: зачислен 11 октября 1865 г. на службу в Московскую духовную консисторию канцелярским чиновником за штатом. По определению Московского епархиального начальства, состоявшемуся 14 января 1866 г., Николай Уборский уволен из духовного звания в светское. В феврале 1866 г. переведён по прошению в Московскую контору Синода.¹³ Это уже была светская государственная должность.

Чем занимался наш будущий предок в течение трёх лет пока не выяснено.

В метрической книге московской церкви Иоанна Богослова на Бронной в 1868 году появляется запись о бракосочетании Уборского Николая Константиновича и Пелагеи Филипповны Мельниковой, дочери умершего купца третьей гильдии. Со стороны жениха свидетелями записаны старший брат и дядя. Со стороны невесты – попечительница, купец, государственный крестьянин Ярославской губернии села Старо-Андреевского.

В январе 1869 г. у них рождается дочь Мария. В адресных книгах указано, что жили в районе Бронной в собственном доме Уборской. 8 января 1870 г. Николай Уборский подаёт прошение об увольнении по семейным обстоятельствам. По воспоминаниям потомков – Пелагея Филипповна умерла вскоре после рождения дочери.

И опять несколько лет безвестности.

Но в 1874 году губернский секретарь Николай Уборский подаёт прошение в земское управление Ярославской губернии об уточнении границ наделов крестьянских земель. Он уже владелец сельца Турово в Ярославской губернии.

Можно предположить, что после смерти супруги ему и дочери перешло какое-то наследство, достаточное для приобретения земли. Почему в Ярославской губернии мы вряд ли узнаем. Возможно не случайно свидетелем со стороны невесты при бракосочетании был крестьянин из Ярославской губернии.

Причина переезда из Москвы в деревню объяснима – деревенская жизнь, труд на земле, взаимоотношения людей ему знакомы с рождения. А отношения людей в городе, продвижения по службе, содержание семьи – все требует иных человеческих качеств.

Сельцо Турово известно в Ярославской губернии давно. Последний владелец Ильин в 1872 году передал сельцо в казну.

Через несколько лет в метрической книге церкви ближайшего села Дмитриевское появляется запись, что 17 января 1878 года у Губернского секретаря сельца Турово Николая Константинова Уборского и жены его Екатерины Дмитриевны родился сын Александр. Восприемником был дворянин поручик Дмитрий Лавров Остолопов из сельца Ивановское, что в двух километрах от сельца Турово.

---

¹³ Высшее церковное учреждение.

По семейным воспоминаниям Екатерина Дмитриевна вторая жена Николая Константиновича Уборского. А по результатам генеалогических исследований она и её отец – Дмитрий Лавров Остолопов со своими предками, становятся предками нынешней семьи Уборских.

Во втором браке у Николая Константиновича и Екатерины Дмитриевны было трое детей – Александр (р.1878), Иван (р.1880) – дед составителя материала, Варвара (р.1883).

Николай Константинович был по воспоминаниям потомков жестоким и скупым. Его сын Александр говорил своей дочери, что дед держал всех в строгости, иногда бил детей. Порка детей за провинности – распространённая традиция того времени. Скупость же могла быть чертой его характера, а может быть под скупостью была относительная бедность. 12-й (из 13-и) классный светский чин губернского секретаря был номинальным – ни в одном из справочников по Ярославской губернии он нигде на службе не числится. Нужно было вести хозяйство, одевать и учить детей, лечить неизбежные болезни, платить какие-то налоги.

Дети Николая Константиновича – Мария, Александр, Иван и Варвара, получили начальное образование, скорее всего, дома. В ближайших сёлах училищ для девочек и мальчиков ещё не было. Фамилию Уборские продолжили сыновья.

Сын Александр рано покинул отчий дом после ссоры с отцом. Уйдя из дома, приехал в Москву. Учился в железнодорожном училище. Работал на железной дороге. В семье было семь детей – три сына и четыре дочери. От внука его старшего сына фамильная веточка Уборских продолжает жить, не исключено, что может развиваться дальше.

Уборский Иван Николаевич – младший сын Николая Константиновича – дед составителя материала, родился и провёл детство в Турово. Поступил в Ярославскую духовную семинарию, которую окончил в 1901 г.

Обучение было платным – 70 рублей в год. Семинаристы жили в епархиальном общежитии или на квартирах. Для мало обеспеченных учащихся существовали льготы по оплате за обучение, а также оказывалась материальная помощь на содержание. Но по данным 1899 – 1900 гг. Иван Уборский льготами не пользовался.

После смерти Екатерины Дмитриевны в 1890 году и Николая Константиновича в 1897 году заботы о доме легли на старшую дочь Марию. Брат Александр уехал в Москву, вскоре уехал в семинарию и Иван. Вдвоём с младшей сестрой Варварой нужно было самим вести хозяйство. Решили продать Турово и купили дом в Дмитриевском. Очевидно были средства, чтобы оплачивать обучение Ивана и в духовной семинарии, и в Ярославском Демидовском юридическом лицее.

Род Уборских интересен тем, что он является представителем одного из многочисленных в XVIII – XIX столетиях сословия – православного духовенства.

Сословия, которое в начале XX века потеряло своё былое влияние на население, а после 1917 года было почти полностью безжалостно истреблено.

Сегодня отношение у населения к духовенству, к Церкви и Богу неоднозначное – от оголтелого неприятия до экзальтированного преклонения и моды на освящение публичных светских мероприятий.

Но жизнь Церкви – это наша история, неотделимая от истории наших предков. На протяжении тысячелетия регистрация и наречение новорождённого проводились в церкви, вся жизнь сопровождалась церковными обычаями, в последний путь умерший отпевался церковью. И к отношениям предков с верой нужно относиться предельно уважительно и деликатно. Наши далёкие и близкие предки были не глупее нас, объем помещающихся в человека знаний не изменился, просто сегодняшние поколения живут в ином информационном поле.

Дальнейшая история Ивана Уборского, и как он оказался дедом составителя, показано в главе «Уборские XX век».

Гагманы

Бабушка составителя – Ольга Дмитриевна Гагман (в девичестве) не оставила ни одного документального свидетельства её прошлого. Не нам судить о мотивах. Допускаю, что благодаря её «неразумному», казалось бы, поступку, составитель очерка имеет возможность сегодня раскапывать корни семьи.

Из её прошлого мне была известна только её девичья фамилия, и то, что её отец был Тобольским губернатором. Но этого уже было достаточно, чтобы начать генеалогические раскопки.

Род Гагманов является представителем многочисленного сословия в XVIII–XIX столетиях – зарубежного дворянства, переселившихся в Россию по различным причинам и служивших верой и правдой новой стране, ставшей для их потомков отечеством.

Начало истории фамильной ветви Гагманов будем считать с момента появления первого упоминания этой фамилии в источниках, относящихся к изучаемому роду, хотя корни фамилии уходят глубже.

В энциклопедии Брокгауза и Эфрона есть ссылка на фамилию Гагман. «Гагман (фон) – русский дворянский род. Родоначальник их, юстиц-советник Николай-Феодор (он же Фридрих) Гагман. Документы подтверждают, что фамилия фон-Гагман записана в первой книге эстляндских дворянских родов».

В РГИА¹⁴ сохранились три дела о дворянстве Гагманов – московских, тверских костромских. В первой половине XIX века им пришлось подтверждать своё дворянское достоинство с предоставлением соответствующих документов, справок, генеалогических схем. Все три дела – три ветви одного рода, восходящие к одному предку.

«Наши» Гагманы – потомки Николая-Феодора Гагмана, относятся к Тверской ветви рода.

Первая запись о дворянстве Гагманов в книгу Тверской губернии была произведена в 1785 г. Это был Карл Самуил фон Гагман, коллежский советник и кавалер.¹⁵ Супруга – Луиза Берг фон Готгарн. Где служил Карл – не установлено. Так как он был дворянином Тверской губернии, то должен был иметь в губернии поместье.

Имение Крутые в 20 верстах от заштатного городка Красный Холм в Тверской губернии Карл Гагман либо купил, либо оно ему было пожаловано за усердную службу. Скорее всего там у него с супругой родились сын Фёдор (1806 г.) и дочь Софья (1811 г.).

Восемнадцатилетний Фёдор фон Гагман, прапрадед составителя очерка, лютеранского вероисповедования, в службу вступил в 1824 г. во 2-й Егерский полк унтер офицером. Квартиры батальонов полка размещались в Тверской губернии.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. С.-Петербург.

¹⁵ Коллежский советник – чин VI класса Табели о рангах, соответствовал военному чину полковник. Кавалер – награждённый орденом.

Через месяц – получает звание юнкера, в котором «зависает» на пять лет. Потом был Ямбургский уланский полк, повышения по службе, в 1838 г. ротмистр. Из формулярного списка – имел благодарности, орденов, нареканий и наказаний не имел.

В 1840 г. по домашним обстоятельствам по собственному рапорту уволен от службы с награждением чином майор и мундиром (с правом ношения военной формы). Обстоятельства были обычными для 33-летнего офицера – женился на дочери Кашинского помещика Николая Петровича Головина девице Ольге. Ждали первенца, родился сын в 1840 г. Жить решили в родовом имении Головиных – в селе Кожино Кашинского уезда. Начался новый этап в жизни Фёдора фон Гагмана – помещика.

А в генеалогии семьи Уборских появляется длинная и насыщенная именами и событиями ветвь предков по линии Головиных, заслуживающая отдельного очерка. Отметим лишь, что один из прямых предков Ольги Головиной был женат на княжне Марии Одоевской, представляющей род Рюриковичей, и ставшей далёкой прабабушкой составителя очерка.

Союз потомков российских и эстляндских столбовых дворян, хотя и потерявших в XIX веке своё величие – Фёдора Карлова фон Гагмана и Ольги Николаевны Головиной вряд ли был случаен. Хотя нельзя исключать и любовной истории – уездные и губернское дворянские собрания регулярно устраивали балы, на которые родители привозили и из далёких поместий своих дочерей, а молодые офицеры полков, расквартированных в губерниях, всегда были там желанными гостями.

В 1848 году умирают отец и мать Ольги Николаевны. Семья Фёдора Гагмана переезжает в имение Гагманов – Крутые. В это же время Фёдор Карлович фон Гагман ходатайствует перед Правительствующим Сенатом о подтверждении столбового дворянства, но получает право на потомственное дворянство (за службу).

Дети подрастают, рождаются младшие, последний Дмитрий (р.1860). Начальное образование дети получили, скорее всего, дома. Мальчики продолжили учёбу.

Сведений о гражданской службе Фёдором Карловичем Гагманом не обнаружено. Скорее всего занимался имением, сельским хозяйством. По спискам населённых мест Тверской губернии 1859 года за «владельческим селом» Крутые (имением) записано 12 дворов и 103 жителя. И земли за имением числилось 250 десятин (27 га). В окрестностях имения много луговой и пахотной земли, что вполне достаточно и для собственного прокорма, и для продажи сельхозпродукции.

В 1870 году Фёдор Карлович заболевает и едет в Москву к старшему сыну – уже ставшему доктором. Но помочь уже было поздно, и отставной майор фон Гагман Фёдор Карлович заканчивает свой жизненный путь на Введенском (иноверческом или немецком) кладбище в Москве. Удивительно, но его гранитный памятник до сих пор стоит.

Когда умер отец, младшему Дмитрию, в будущем прадеду составителя очерка, было всего 10 лет. Вряд ли он задумывался – чем ему придётся заниматься во взрослой жизни. Поэтому, как и два старших брата, как и отец, и многие другие мужчины из рода Гагманов – в 17 лет вступил в военную службу юнкером, поступив в 1-е военное Павловское училище, что в С.-Петербурге.

Окончив в 1879 году полный курс по первому разряду Высочайшим приказом по военному ведомству был произведён в прапорщики и зачислен в 1-ю резервную артиллерийскую бригаду.

Началась обычная служба, перемещения, получения очередных воинских званий. В 1883 году – поручик. Но служба не задалась и в 1885 году Дмитрий Фёдорович Гагман Высочайшим приказом зачисляется в запас пешей артиллерии без содержания и пенсии, а в 1888 году из запаса увольняется в отставку. И возвращается в имение Крутые Весьегонского уезда.

В эти годы Дмитрий Фёдорович женится на баронессе Ольге Николаевне фон Дризен – дочери генерал-майора фон-дер остен Дризена Николая Фёдоровича. По службе пути Дризена и Гагмана не должны были пересекаться.

К этому времени Николай Фёдорович Дризен был разведён, и Ольга Николаевна жила, скорее всего, со своей матерью – Оржевской (в девичестве) Параскевой Васильевной в С.-Петербурге в её собственном доме.

Дризен и Оржевские – ещё два отростка от корневой генеалогической ветви современных Уборских. Фамильная линия Оржевских не исследовалась, а Дризенам посвящена самостоятельная глава в настоящем очерке

Вряд ли замужество было по сватовству. Живущая в столице, образованная и привлекательная баронесса могла рассчитывать на более выгодную партию. Как-никак – дочка и племянница двух генералов, знакомых ещё по пажескому корпусу, один из которых (Оржевский Пётр Васильевич) был флигель-адъютантом Его Императорского Величества, Товарищем Министра внутренних дел, сенатором. Сын отставного майора Гагмана, хоть и был фон, но не барон, да и имение в глухомани, о которой успели язвительно отозваться и Радищев, и Гоголь. Хочется думать, что здесь была большая любовь, дальнейшие события не дают поводов в этом сомневаться.

Так, или иначе, но баронесса Ольга Николаевна фон-дер остен Дризен с отставным поручиком фон Гагманом Дмитрием Фёдоровичем перебралась из столицы в Весьегонский уезд.

Для Дмитрия Фёдоровича Гагмана началось восхождение по лестнице гражданских чинов, а для Ольги Николаевны – умножение семейства.

Вскоре по возвращению в Крутые Дмитрий Фёдорович Гагман был избран дворянством Весьегонского уезда кандидатом на должность Весьегонского Председателя дворянства, а в марте 1890 года утверждён в этой должности Тверским губернатором. А в октябре этого же года в молодой семье Гагманов родилась дочь, которую назвали Ольгой в честь матери и бабушки.

И оказалась Ольга Дмитриевна Гагман в будущем бабушкой составителя очерка.

Весьегонск имеет более чем тысячелетнюю историю.

В первой половине XIX века город активно развивался, так как был на пересечении водных и сухопутных торговых путей, но со строительством железных дорог стал затухать.

Хотя от имения Крутые до Весьегонска около 100 км, в уездном центре бывать приходилось часто.

Далее следуют очередные пере выборы и назначения на должности Весьегонского уездного Председателя дворянства и Председателя уездной земской управы. В то время Председатель дворянского собрания вознаграждения не получал, а Председатель земской управы получал в жалованье. Служил исправно и в 1894 году был Всемиловейше награждён орденом Св. Станислава 2 степени.

В 1895 году состоял председателем Весьегонской уездной переписной комиссии первой всероссийской переписи и получил за труды по этой переписи темно-бронзовую медаль для ношения на груди. В 1896 году награждён серебряной медалью в память царствования Императора Александра III для ношения на груди на Александровской ленте. В этом же году получил серебряную медаль в память священного коронования Их Императорского Величества.

В истории Весьегонска не выявлены заметные деяния Дмитрия Фёдоровича Гагмана за 10-летие его службы. Была рутинная для малочисленного уезда бюрократическая работа. Но награды свидетельствуют о старании и умении строить отношения с вышестоящим начальством.

За эти годы выросла семья – у Ольги появились сестры.

Уже в апреле 1899 года Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Дмитрий Фёдорович назначен Витебским уездным Председателем дворянства и председателем Витебского уездного по крестьянским делам и воинской повинности присутствию. Вроде бы тот же уездный уровень, но в Весьегонске на момент увольнения проживало около 3,5 тысяч жителей, а в Витебске почти 60 тысяч. Витебский уезд входил в состав Витебской губернии, куда входил также уездный Двинск, где тесть – Николай Фёдорович фон Дризен был начальником пехотной дивизии, генерал-лейтенант, в числе первых лиц города. Двинск в то время был самым большим городом губернии – около 73 тыс. жителей, театр.

Очевидно, что начальная карьера, перевод в Витебск и дальнейшие назначения Дмитрия Фёдоровича скорее всего кем-то поддерживались. Из родственников ближе к высшей бюрократии были семейства Дризенов и Оржевских.

Через назначения, награждений, аттестаций продолжалась. За пять лет Дмитрий Фёдорович прошёл пять ступеней табели о рангах – достиг коллежского советника, поднялся по должности на губернский уровень – стал председателем Витебской Губернской управы по делам земского хозяйства, награждён орденом Св. Анны 2 степени.

Дмитрий Фёдорович, Ольга Николаевна и дети, имея лютеранские корни все были православного вероисповедания.

Очередное назначение не заставило долго ждать.

В конце 1905 года Именным Высочайшим указанием, Всемиловейше повелено фон Гагману Д.Ф. быть исполняющим должность Могилёвского Губернатора.

Переезд в новый большой город в ранге семьи первого лица губернии для супруги и дочерей имели огромное значение. Для Ольги Николаевны это не только новые знакомые, но и визиты в С.-Петербург вместе с мужем, участие в торжественных мероприятиях, организуемых императорским домом. Для старшей дочери Ольги, закачивающей гимназию, это новые подруги из высшего света губернии, мечты об «удачном» замужестве, поездки с отцом на балы, устраиваемые в столице. Да и для младших сестёр это новые отношения с преподавателями гимназий и новыми друзьями.

По своему благоустройству и техническому состоянию Могилев стремился не отставать от других губернских городов России. Город имел водопровод, телеграф, телефон, электрическое освещение. Не только извозчики, но и конка (трамвай на конной тяге) развозили пассажиров по городу. Со столицей было железнодорожное сообщение. Работал городской театр. Для пеших прогулок горожан были разбиты скверы и парки. Вдоль центральных улиц стояли 2 и 3-х этажные каменные дома с магазинами и гостиницами с красивыми названиями – «Париж», «Бристоль», «Метрополь» и др. Вполне европейский город. Захолустный Весъегонск остался в туманном прошлом.

Для молодого губернатора (хотя по возрасту уже 45 лет) это назначение было большим испытанием. Россия стояла на пороге перемен. Накопившиеся проблемы до конца не реализованных решений по отмене крепостного права полвека назад, постыдное для народа поражение в русско-японской войне, рост городского населения за счёт крестьянства и забастовочное движение рабочих, брожение в среде интеллигенции и террор в отношении государственных чиновников – все это привело к началу первой российской революции в январе 1905 года. Дмитрий Фёдорович Гагман видел все это и в Витебске, в Могилеве же в должности губернатора нужно было этому противостоять.

Газета «Могилёвские губернские ведомости» 18.10.1906 г. известила читателей, что «В среду 11-го октября, Его Величеству Государю Императору и Ея Величеству Государыне императрице Александре Фёдоровне имел счастье представляться исправляющий должность Могилёвского губернатора, коллежский советник фон-Гагман». Видимо это первое представление после назначения, ранее газета об этом не сообщала.

В соответствии с сложившейся традицией супруга губернатора должна была заниматься активной общественной и благотворительной деятельностью. Ещё в Витебске – фон Гагман Ольга Николаевна член Витебского благотворительного общества, член общества вспомоществования нуждающимся ученицам Витебской женской гимназии. В Могилеве – попечительница Могилёвского Николаевского детского приюта, председательница комитета и попечительница общества Красного Креста, председательница общества пособия бедным. И позже, в Тобольске, супруга Дмитрия Фёдоровича попечительница и председательница Тобольского Российского общества Красного Креста, председательница общества сестёр милосердия и др. организаций.

Именным Высочайшим указанием, Всемилостивейше повелено фон Гагману Д.Ф. быть Тобольским Губернатором. Вступил в управление высочайше вверенной ему губернией 1909 года января 10.

Частые перемещения губернаторов были обычной практикой правительства. Предполагалось, что коррупционные связи с местными элитами за несколько лет установить сложно. Однако мздоимства и казнокрадства в России меньше не становилось.

Начался Тобольский период жизни семьи Гагман. Было ли это повышением или понижением в статусе сейчас судить сложно.

Тобольск – древний город, четыре века назад был столицей Сибирского ханства, Петром I был назначен административным центром самой большой в России Сибирской губернии, включавшей территорию от Вятки до Русской Америки. С развитием горной промышленности через Тобольск в Москву на монетный двор стали поставлять золото и серебро. Через город проходил Сибирский тракт, придававший Тобольску значение торгового центра. Площадь губернии была в три раза больше Могилевской.

Со строительством Транссибирской железной дороги значение Сибирского тракта стало падать, экономически быстрее стали подниматься южные территории. В начале XX века Тобольск перестал быть центром Сибири, оставив за собой славу ссыльного города.

О губернаторстве Дмитрия Фёдоровича Гагмана приведены документальные факты по результатам генеалогических исследований в части 1 настоящего тома Антологии.

Высочайшим указом от 13 февраля 1912 г. фон Гагман Д.Ф. уволен от службы согласно прошению, по болезни, с мундиром означенной должности присвоенным.

Дмитрию Фёдоровичу Гагману – 52 года, выслуга военной и гражданской службы более 30 лет, пенсия, можно и в имении пожить. Хотя в таком возрасте обычно чиновники стремятся на новые должности. Не исключено, что в служебных делах у моего прадеда что-то не сложилось. Не нам его судить. В последующем в адрес-календарях, в которых приведены все государевы чиновники, фамилия фон Гагмана Дмитрия Фёдоровича больше не встречалась.

Старшая дочь – Ольга Дмитриевна Гагман вышла на собственный жизненный путь, но об этом в главе «Уборские XX век».

Завершение тверской фамильной линии Гагманов печальное. Дмитрий Фёдорович вернулся с семьёй в имение Крутое. Надо было учить младших дочерей, думать об их замужестве. Продолжение фамильной линии не получилось – потомки все девочки. Накатилась Первая мировая война, потом революции. «Угнетённые» крестьяне, работавшие на землях помещика Гагмана, защитили его от новой власти и не дали разрушить эффективно работающее хозяйство. Но в 1925 году местные власти все же отобрали землю, дом и фактически выгнали семью на улицу. Дочери разъехались. Где нашли упокоение Дмитрий Фёдорович и Ольга Николаевна Гагманы неизвестно.

Сюжет об отношении местного населения к «эксплуататорам» нашёл своё продолжение в XXI веке. В Краснохолмском районном архиве Тверской области

Гагманы

обнаружены две фотографии семьи Гагман, датированные 1908 годом. А также записанные учениками сельхозтехникума воспоминания жительницы деревни Поляны, что в нескольких километрах от бывшего имения Крутые. Фотографии были найдены у кого-то из жителей в 1993 году, тогда же сделаны записи со слов 78-летней Анны Алексеевны Поленовой.¹⁶

---

¹⁶ См. Корни семьи. Том 3. Генеалогические очерки. «Правда о неправде».

Вяткины

На территории России фамилия Вяткины встречается довольно часто. Этому способствовало множество причин. Можно с уверенностью утверждать, что фамилия Вяткины имеет образование или от географического названия (река Вятка), или от этнического названия (Вятичи). Широкому распространению фамилии способствовало многократные переселения народов в XVII – XX столетиях в связи с бурным освоением Урала и Сибири.

Найти истоки образованию «нашей» фамилии Вяткины помогли архивы. Дед составителя Евгений Александрович Вяткин не скрывал от детей и внуков, что он потомственный дворянин. Но потомственное дворянство могло быть пожаловано только за заслуги перед отечеством и по результату рассмотрения ходатайства Правительствующим Сенатом. В Российском государственном историческом архиве (С.-Петербург) оказалось несколько дел по дворянству разных Вяткиных. Не вдаваясь в подробности раскопок удалось найти нужное дело, которое и легло в основу дальнейших исследований.

Ходатайствовал о получении потомственного дворянства за заслуги умершего отца 16-летний Павел Вяткин, желавший поступить на военную службу. А заслуги отца были подробно описаны в прилагаемой справке предводителем Казанского дворянского депутатского собрания. Отец имел возможность и право получить потомственное дворянство ранее, но по неизвестной причине этого не сделал.

Основателей рассматриваемого рода Вяткиных «занесло» на Алтай, скорее всего, в первой половине XVIII века в связи с освоением открытых месторождений полиметаллических руд (золото, серебро, медь, свинец и др.) и переселением в необжитые районы государственных (казённых) и крепостных крестьян.

С конца XVII века началось интенсивное освоение уральского региона и алтайских месторождений руд. До середины XVIII века монополию на разведку, добычу руд и выплавку металла почти повсеместно держали Демидовы. И на Урале, а особенно на Алтае катастрофически не хватало рабочих рук. Демидовы везли на Алтайские заводы специалистов с Урала, крепостных и казённых крестьян из европейской части России, разрешалось приписывать к заводам беглых крестьян, монахов, каторжан.

В эти годы на Алтае появляются новые поселения, одно в 90 км на юг от Барнаула – Вяткино. Поселение входило в состав Колывано-Воскресенского горного округа. В списке жителей поселения Вяткино в Центральном архиве Алтайского края встречаются фамилии Вяткины. Архивы С.-Петербурга и Барнаула подсказали, что основателем рассматриваемой ветви Вяткиных является Сидор Вяткин, и что он, скорее всего, из поселения Вяткино. По архивным данным родился в 1742 году, на службу в Колывано-Воскресенские заводы Алтая был определён в 1769 г. запасным служителем.

В последующих записях называется берг-гауер. Не всем рудознателям выпала честь попасть в анналы отечественной истории.¹⁷

Впервые публикация о Сидоре Вяткине появилась в 1908 г. в Барнауле в списках открытых рудных месторождений. В 2000 году он был включён в библиографический словарь исследователей Алтайского края со ссылкой на его формулярный список.

Немало месторождений зарегистрировано под его фамилией. Поиск руд, предварительная оценка их полезности, умение описать место залежей требовали определённых знаний, грамотности, опыта.

Описываемые события происходили в исторически значимом для Российской империи времени и месте. Уже построено много заводов, работают рудники. Создан впечатляющий по размерам горный округ, включающий в себя Урал, Алтай, Западную Сибирь. Образована Берг-коллегия – государственный орган, определявший и реализующий промышленную политику в горной отрасли и металлургии. Бывшие крепости на окраинах превращаются постепенно в города, работают школы по подготовке специалистов.

На Колывано-Воскресенских заводах Иван Ползунов построил за двадцать лет до Джеймса Уатта паровую машину, братья Черепановы построили чугунную дорогу, прообраз нынешней железной дороги.

Сегодняшним туристам во французском Версале рассказывают о мировом чуде инженерной мысли на рубеже XVIII – XIX веков, подававшем воду из реки Сена к фонтанам дворцовых парков. А в это время Кузьма Дмитриевич Фролов, не бывавший в Париже, построил промышленную гидравлическую систему, обеспечивающую работу рудников Змеиногорска. Система включала в себя верхний пруд, открытые и подземные водоводы, спрятанные под землю водяные колеса, приводимые в движение водой и связанные с многочисленными механизмами. Поражают масштабы инженерного сооружения – одна из подземных камер была высотой 21 м, в ней размещалось деревянное водяное колесо диаметром 16 м. Чтобы ощутить размер, можно сравнить камеру с нижним вестибюлем станции метро Комсомольская кольцевая в Москве. Высота станции всего 9 м.

В то время не было ни доступных газет, ни радио, ни телевидения. Но наверняка мастера передавали из уст в уста рассказы о фантастических машинах своих коллег. Это создавало определённый дух творчества среди изобретательной части специалистов и подрастающего поколения.

Жизнь рабочих была крайне тяжёлой, заработков не хватало на пропитание, кормились в основном со своих огородов, эксплуатация была беспощадной. Основную массу населения и рабочей силы составляли приписные крестьяне, из них рекрутировались горнозаводские мастера, которые играли главную роль в производстве. К концу XVIII века в Алтайском горном округе насчитывалось более 9 тыс. мастеровых. Их дети, при наличии способностей, тоже становились мастерами.

---

¹⁷ Берг-гауер – низший чин на рудниках. Берг-гауеры работали также при сыске рудных месторождений. В просторечии – рудозналец.

Служба нередко начиналась с 7 лет с разборки руды и продолжалась всю жизнь. В то время для мастеровых была введена «трёхсменная работа» – одну неделю они работали 12 часов днём, вторую 12 часов ночью, третья неделя называлась «гульною» и предназначалась для работы в своём хозяйстве или для заработков на стороне по разрешению начальства.

Жизнь и деятельность мастеровых регламентировалась военными уставами, судили их военно-судные комиссии, из этих людей составлялись рабочие команды под началом горных офицеров. Наиболее тяжёлыми считались работы в рудниках и у плавильных печей.

Можно предположить, что Сидор Вяткин относился к своеобразной мастеровой элите – более свободная и интересная работа, подальше от начальства. А горы принимают только тех, кто их знает и любит.

Сколько было детей у Сидора Вяткина – неизвестно. Его сын Афанасий родился, когда отцу было 35 лет – в 1777 году. В то время мужчины женились и заводили детей, когда «вставали на ноги». Примерно половина мастеровых оставалась холостыми. Поднялся ли Сидор Вяткин по служебной лестнице и сколько прожил – неизвестно.

Сведения о сыне Сидора – Афанасии Вяткине почерпнуты из дела о дворянстве, хранящемся в Российском государственном историческом архиве, а также, как и в случае с отцом – из публикаций. Ниже приведены лишь отдельные сюжеты его деятельности.¹⁸

Афанасий Сидоров Вяткин в службу вступил из учеников в 1790 г., т.е. с 13 лет. Под «службой» в России понималась деятельность в интересах государства в соответствии с Генеральным регламентом 1720 г. Служивые люди не только получали денежное содержание от государства, но и имели ряд льгот, включая пенсию.

С начала службы был чертёжником, помощником маркшейдера, участвовал в строительстве плотин, мельниц, заводов. Обучался литью, ковке, созданию различных машин и механизмов.

Больше года в 1798 – 1799 гг. изучал в Санкт-Петербурге литейное дело.

Десять лет Афанасий учился и набирался практического опыта, непосредственно участвуя в строительстве и эксплуатации объектов горно-металлургического производства. Поражает география его перемещения в эти годы – от Барнаула до Змеиногорска до 265 км, до Боготола 710 км, до Каменск-Уральского около 1,7 тыс. км, до Боготола 750 км, до Каменск-Уральского около 1,5 тыс. км, до С.-Петербурга более 3 тыс. км. При этом следует иметь в виду, что в то время не было дорог в нынешнем представлении, при весенних разливах, в распутицу, зимой проехать было практически невозможно.

В начале 1801 года «по Именному его Императорского Величества Указу определён в Грузинскую горную экспедицию и «употреблён был для строения

¹⁸ См. Корни семьи. Том 1. Часть 1. Материалы исследований.

монетного двора, командирован для горных разведок по Грузии». Отношения Грузии и России на рубеже веков складывались не просто. Но справился.

В 1808 г. переведён в Верховное Грузинское правительство в землемеры. «Исправляя должность землемера препоручен был выстроить Господину Правителю Грузии каменный дом, также рвание порохом каменных скал и утёсов для расширения дорог». За 8 лет поднялся на 4 ступени (из 14-и) табели о рангах.

Интересен сюжет из его службы на Кавказе. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) хранится отношение от июня 1806 года министра финансов Российской Империи к министру военно-сухопутных сил о предложении Вяткина осуществить проект по созданию лёгкой пушки для «удобства переноски по горным дорогам». Горную экспедицию сопровождала военная охрана, и сложности при перемещении артиллерии в горах были очевидны.

Афанасий Вяткин предложил сделать на Тульском заводе несколько образцов пушки, у которой, при сохранении калибра, ствол должен быть «из кованого железа», а не литым из чугуна, что делало его прочнее и легче, а лафет разборным. Для гарантии успеха Афанасий предложил самому принять участие в изготовлении пушки, так как имел ранее опыт изготовления кованых вещей.

Характерен своей современностью ответ два столетия назад военного министра – он в принципе поддержал предложение, но попросил разъяснить, как будет работать экспедиция в Грузии без Вяткина на время его отсутствия. На этом дело закончилось и его сдали в архив. А на горизонте уже были всполохи будущей Отечественной войны 1812 года.

Аналогичная пушка была успешно испытана. Оказалась в полтора раза легче чугунной. Но промышленное производство их в России и в Германии началось лишь спустя полвека, но уже без участия Афанасия Вяткина.

В 1811 году Афанасий Вяткин попросил отставку и был принят в ведомство казённых Екатеринбургских заводов «по механической части, а особливо по строению паровых машин, каковых он устроил три в Верх-Исетском заводе». В числе его заслуг «несколько обрабатывательных станков для точки металлических большевесных вещей. Здесь же при монетном дворе выстроил раздувательную о четверых чугунных цилиндрах машину».

Исследователь истории создания отечественной техники проф. В.В. Данилевский со своими помощниками провёл большой объем изысканий, в том числе и на Верх-Исетском заводе, и опубликовал их в 1949 году. Там упоминается «Вяткин – строитель оригинальной паровой машины, успешно работавшей на Верх-Исетском заводе в 1815 г.». Там же приведена фотография медали, отчеканенной в Екатеринбурге по этому поводу в честь Вяткина.¹⁹

В 44 года, имея выслугу 31 год, по собственному прошению уволен на государственную пенсию.

---

¹⁹ Медаль хранится в фондах Свердловского областного краеведческого музея. Фотография медали – см. Книгу 1 Антологии

За несколько лет до выхода на пенсию Афанасий Сидоров женится, уже вполне состоявшийся к сорока годам мужчина, пора думать о наследниках.

Первой в 1819 году рождается Екатерина, в следующем – Матвей, потом Фёдор. Их судьба не исследовалась. Но не тот характер был у Афанасия Вяткина, чтобы наслаждаться пенсионным спокойствием.

Задолго до уральских металлургических заводов выплавку железа производили и на Восточно-Европейской равнине России. В 1765 году Екатерина II разрешила братьям Баташевым осваивать берега реки Выкса, недалеко от Муром, для производства железа. Железная руда (раньше называлась болотная руда) добывалась в «рудниках-дудках».²⁰

После смерти Баташевых управление заводами перешло Шепелеву. Заводы получили новое развитие, есть все основания полагать, что не без участия Афанасия Сидорова Вяткина. В эти годы он обнаруживается в Выксе «при заводе живущий», и там рождаются его очередные сыновья Павел и Платон.

Владелец завода Дмитрий Дмитриевич Шепелев – генерал, участник Отечественной войны 1812 г., портрет которого висит в Военной галерее Эрмитажа, получил заказ – отлить чугунные фрагменты отделки Триумфальных ворот в Москве в честь победы в войне 1812 года. Памятник сооружался в 1829 – 1834 годах, Вяткин не мог не участвовать в выполнении этого почётного поручения.

В конце 30-х семья Вяткина переехала в Казань. Афанасий Сидоров Вяткин прожил больше 60 лет. По сохранившимся семейным преданиям он умер в пути на постоялом дворе, подавившись косточкой.

Факт для досужих размышлений: его правнук Евгений Александрович Вяткин в 40-х годах XX века тоже подавился косточкой, стал задыхаться, побежал в больницу, которая находилась близко от дома, споткнулся на мостике через канаву, упал. И косточка выскочила.

Сыновья Павел и Платон избрали для себя карьеру военной службы. Из сословия городского или сельского обывателей забирали в солдаты, а из дворянского сословия можно сразу вступить на офицерскую должность. Генеалогическую ветвь Вяткиных, дотянувшуюся до составителя настоящего очерка, продолжил уже потомственный дворянин Павел Афанасьевич Вяткин.

Детство и часть юношества Павла Вяткина прошли в Выксе. Поселение было сравнительно молодое, образовалось вместе с заводами в середине XVIII века. Пруды, речка Выкса, рыбалка, нещадно вырубаемые вокруг леса, черные дымы металлургических печей, родной дом с достатком и учителями, рядом нищета и бесправие рабочих, тут же богатство владельцев заводов – все это было перед глазами растущего Павла.

---

²⁰ Вертикальные колодцы в песчанике глубиной до нескольких десятков метров с горизонтальными штольнями.

Не исполнилось Павлу и 15 лет, как семья перебралась в Казань. Вряд ли он успел в Казани насладиться прелестями большого города. Уже 22 февраля 1842 года в 17-ти летнем возрасте он вступил в службу в Тарутинский Егерский полк унтер-офицером.

Вступление в службу в этот полк можно объяснить, скорее всего, местом его дислокации – Нижний Новгород. До Казани недалеко (там остались мать, сестра и братья), и до родной Выксы близко.

Служба пошла ровно. В 19 лет прапорщик, через два года подпоручик. В эти годы Россия не участвует в военных конфликтах. Полк проводит лагерные сборы, смотры, участвует в парадах, несёт караульную службу, иногда и в Москве, исполняет государственные работы. На многих смотрах, парадах, учениях и манёврах полк неоднократно заслуживал особую похвалу императора Николая I. За прекрасное состояние полка офицеры получали щедрые награды в виде орденов, денежных окладов, производства в следующие чины, иных монарших благоволений, и даже надела землёй. Но в формулярном списке Павла Вяткина отметок о наградах нет.

Весна 1848 года – революция во Франции, революционные настроения в Австрии, Германии и других европейских странах. Николай I подписывает указ о мобилизации и подготовке к походу на Европу – не допустить проникновения инакомыслия в Россию. Происходит переформирование воинских соединений. В эту модернизацию попадает Павел Вяткин. В декабре 1852 года прикомандирован к Александровскому кадетскому корпусу.

В 1842 году в только что возведённой Брест-Литовской крепости был торжественно открыт кадетский корпус, получивший имя Александровского, в честь своего шефа – цесаревича Александра Николаевича, в будущем императора Александра II. В корпусе было три батальона кадет – гренадерский, мушкетёрский и неранжированный. Павел Вяткин был офицером неранжированного батальона. В то время военная служба была основана, прежде всего, на внешней стороне, на выправке. Например – ценилась маршировка «столь плавная», что не проливалась вода из стаканов, поставленных на плечи.

В связи с началом войны с Турцией и опасностью вступления в войну Австрии Брест-Литовскую крепость перевели на военное положение, а кадетский корпус получил в июне 1854 года приказ передислоцироваться в Москву. На каждые десять человек была выделена телега, ежедневно корпус проходил по 40 вёрст. Дорога в Москву заняла целый месяц. В числе прочих обязанностей на Павла Вяткина был возложена ответственность за батальонную кухню. Переход в Москву прошёл благополучно, временным местом расположения корпуса стали Лефортовские (Екатерининские) казармы.

Служба в кадетском корпусе в Москве продлилась всего год. В мае 1855 года переведён в Лейб-егерский Бородинский Его Величества полк с получением звания штабс-капитан. Полк дислоцировался в местечке Замостье Слуцкого уезда Минской губернии.

Слуцк упоминается с XI века. Был центром Слуцкого княжества, входил в состав Великого княжества Литовского, в середине XV века получает Магде-

бургское право на самоуправление. Элита этнической Белоруссии в силу исторических событий формировалась под сильным влиянием польской шляхты. В состав Российской империи Слуцк вошёл в 1793 году, став уездным городом в Минской губернии.

Однако отношения с польской, белорусской шляхтой у России складывались сложно, порой и драматично. Сословные привилегии дворянства за шляхтой признавались в Российской империи с трудом и не всегда.

В таком положении оказался и слуцкий помещик – граф Оттон Фадеев Езерский, на дочери которого Елизавете женился тридцатилетний штабс-капитан, потомственный дворянин в первом колене Вяткин Павел Афанасьевич.

С этого момента у составителя очерка и его потомков появляется ещё одна генеалогическая ветвь.

В то время Езерские довольно распространённая фамилия в Польше, Литве, Белоруссии. Все Езерские представители дворянских родов, восходящие, как полагают исследователи, к трём основным ветвям в соответствии с их гербами. Начало родов – в середине прошлого тысячелетия.

Как отнеслась семья титулованного графа к внуку крепостного, хотя и дворянина, можно пофантазировать. В деле о дворянстве Езерских есть забавный сюжет. В метрической записи о крещении сына Оттона отмечено – «принять младенца от Святой купели по просьбе Оттона Езерского дал согласие Император Александр I». Судьба не благоволила Самодержцу Всероссийскому прибыть в местечко Грозаво на крестины, пришлось принимать младенца Слуцкому уездному Предводителю дворянства. Отсутствием амбиций граф, видимо, не страдал. Но нужно отдать должное его дочери – Елизавете. В сохранившихся в семье Вяткиных воспоминаниях её графское происхождение нигде не упоминается.

Как бы там ни было, но свадьбу сыграли. Первой у Павла и Елизаветы Вяткиных родилась в 1858 году дочь Ольга. Крестили Ольгу в костёле, записана в формуляре Павла Вяткина как католического вероисповедания.

За месяц до рождения дочери был уволен от военной службы капитаном с правом ношения формы и в годовой отпуск. Так закончилась военная служба штабс-капитана Вяткина Павла Афанасьевича. Вскоре засобирались в Москву. 16-летней выслуги не хватало для достойной пенсии. Нужно было искать гражданскую службу.

По ходатайству директора Александровского кадетского корпуса, размещавшегося ещё в Москве, и с разрешения Главного штаба в апреле 1859 г. Вяткин был принят в корпус на должность эконома – на гражданскую службу. Последовал приказ, предписывающий «отставному капитану Вяткину немедленно приступить к приёму этой должности ... и по принятии всего имущества и отчётов, принадлежащих к этой должности мне донести...».

Уже через две недели приказом выражена признательность Вяткину за представленные отчёты и «за неутомимые его труды... по устройству хозяйства ... по прибытии корпуса в 1854 г в Москву». Директор корпуса генерал-майор фон-Редигер Фёдор Филиппович не забыл своего подчинённого – поручика Павла Вяткина.

В сентябре этого же года Высочайшим приказом Вяткину был присвоен гражданский чин коллежский секретарь – 10 класс табели о рангах, что соответствовало последнему воинскому званию штабс-капитан.

15 ноября 1859 года у Вяткиных рождается сын Александр – будущий прадед составителя очерка. Записан как православный.

В 1860 году Павел Вяткин произведён в титулярные советники, в 1861 – в коллежские асессоры (чин 8 класса).

В конце 1861 года кадетский корпус переезжает в Вильно.

Начинается новый этап гражданской службы Павла Вяткина – во Владимирском акцизно-питейном управлении.

В послужном списке младшего помощника надзирателя округа акцизного управления Владимирской губернии Павла Афанасьевича Вяткина записано, что в 1868 году он получает жалование 600 рублей (в год) и на разъезд 400 рублей. По опубликованным свидетельствам тех лет этих денег едва хватало на семью чиновника. Чиновникам порой приходилось подрабатывать на стороне.

Квалифицированных, честных специалистов не хватало. За 7 лет службы в акцизном управлении он пять раз на той же должности перемещался в разные округа.

Возможно прошлый опыт Павла Вяткина в качестве квартирмейстера, казначея, эконома был кстати. Объективно судить сегодня о честности Вяткина в тех условиях трудно. Но передававшиеся традиции из поколения в поколение позволяют предполагать его безупречность.

Город Владимир хоть и был губернским, но по всему уступал Казани, Нижнему Новгороду, Москве, где приходилось раньше служить и жить Павлу Вяткину. Когда Вяткины переехали во Владимирскую губернию в городе было около 1,5 тысяч домов и 13,5 тыс. жителей. И хотя там уже были и женская и мужская гимназии, родители решили учить детей в Москве. Начальное образование получили, скорее всего, дома.

Сын Александр, как записано в его аттестате зрелости, два года с 1869 по 1871 проучился во второй Московской гимназии.

Причиной переезда в Москву могло быть и перемещение по службе. Формулярный список о службе, который лёг в основу изложения жизненного пути Павла Вяткина был составлен 12 мая 1869 года, но там нет записи об его увольнении от службы. Да и до максимальной пенсии за 30-летнюю службу нужно было доработать ещё почти три года. О других источниках существования семьи составителю очерка неизвестно. Есть основание предполагать, что в Москве он продолжил службу.

Из аттестата зрелости сына Александра следует, что в третий класс он в 1871 году пошёл уже в Нижегородский институт, где проучился три месяца, а с нового 1872 года уже учился в Казани. Совершенно очевидно, что перемещение Александра из одного учебного заведения в другое было связано со службой отца.

Казанский период жизни семьи Павла Афанасьевича Вяткина не изучен.

Дочь Вяткиных Ольга вышла замуж за Прозорова и уехала на Урал (в Пермь или Уфу). Павел Афанасьевич и Елизавета Оттовна прожили долгую жизнь, но следы их последних лет установить пока не удалось. В Казани фамилия Вяткины очень распространена, что затрудняет поиски.

Александр Вяткин успешно окончил третью Казанскую гимназию. Закончил дополнительный восьмой класс, дававший право на получение звания домашнего наставника. Успешное окончание гимназии давало право выпускникам без поверочного экзамена поступить в любой университет. Александр выбрал Императорский Московский.

В этом решении есть загадка. Обучение в университетах было платным. Отец – Павел Афанасьевич был на пенсии, возможно участвовал в какой-то коммерческой деятельности – предыдущий опыт мог быть востребован. Но финансовые возможности, наверное, были ограничены. Плата за обучение и вообще проживание в Москве были дорогими. Кажется, целесообразнее было бы учиться в Казанском университете, дающем тоже прекрасное образование. Скорее всего семью Павла Афанасьевича Вяткина что-то связывало с Москвой.

Большинство студентов юридического факультета университета в Москве жили в районе Бронных улиц на съёмных квартирах. Контроль за поведением студентов осуществляли специальные инспектора. Инспектор мог, например, зайти вечером в питейное заведение, и, если заставал там студента, пьющего что-либо крепче пунша (слабоалкогольный напиток), на следующий день того ждало наказание. Немалую помощь наблюдающим оказывали студенческие фуражки заметные на улице издали.

Кандидат права Александр Павлович Вяткин, возможно ещё в годы учёбы, решил стать в будущем присяжным поверенным. Адвокатура в России появилась лишь в 1864 году, заменив собой многочисленных ходяков по чужим делам и стряпчих. Чтобы стать присяжным поверенным необходимо было не только высшее юридическое образование, но и иметь пятилетний стаж службы на судебных должностях или помощником присяжного поверенного, положительную репутацию, получить согласие совета присяжных.

По окончании полного курса наук в университете в ноябре 1881 года Александр Вяткин был принят в число кандидатов на судебные должности при Московской Судебной палате. Через два месяца был назначен на должность секретаря Кирсановского Съезда мировых судей в Тамбовской губернии.

Где и как познакомился Александр Вяткин с будущей женой Ольгой Евгеньевной Новиковой – дочерью Курского помещика, неизвестно. На долгие годы имение Новиковых Удерев стало местом летней жизни семьи Александра Павловича Вяткина. С этого момента у потомков Александра Вяткина появляются новые генеалогические ветви: Новиковы, Логиновы, Желябужские. Но их истории не исследованы.

Осенью молодые переезжают в Москву, в район, где Александр Вяткин, вероятно, жил в студенческие годы – Бронных улиц и Никитских ворот. В январе 1885 г. у них рождается сын Евгений – будущий дед составителя очерка.

Трое детей Александра Павловича и Ольги Евгеньевны Вяткиных – Евгений, Софья и Вера учились в московских гимназиях.

Евгений учился в престижной 7-й мужской гимназии. Гимназия размещалась в бывшем доме Римских-Корсаковых на Страстной площади, в котором бывали Пушкин, Грибоедов и другие писатели того времени. Считается, что персонажи «Горе от ума» списаны с хозяев и гостей дома. На месте бывшего дома-памятника – безликое многоэтажное административное здание с встроенным входом на станцию метро «Пушкинская».

В гимназии подружился с Борисом Грачёвым. Гимназические друзья часто собирались дома и у Вяткиных, и у Грачёвых.

Евгений Вяткин после окончания гимназии в 1905 году поступил, как и отец, в Императорский Московский университет на юридический факультет, который закончил в 1909 году. Сначала помощник присяжного поверенного, потом присяжный поверенный.

Дальнейшая история Евгения Вяткина изложена в главе «Уборские XX век»

Грачевы

Грачевы – также широко распространённая фамилия, как и Вяткины. В ревизских сказках московского купечества записан не один десяток семей Грачёвых, не связанных родством. Найти истоки «наших» Грачёвых помогли, прежде всего, передаваемые из поколения в поколение рассказы, воспоминания, сюжеты из жизни семьи, сохранившиеся на долгие годы родственные отношения. А также ревизские сказки, архивные и личные документы, воспоминания.

Первое документальное упоминание о Петре Ивановне сыне Грачева, 28-и лет, и его жене Наталии Ивановой, дочери Соколова – основателях генеалогической ветви Грачёвых, относится к 1767 году. В ревизских сказках он записан, как «определённый в Московское купечество».

Но перелистаем нашу историю на несколько десятилетий назад. Начало XVIII века. Москва пока ещё столица Государства Российского. Молодой царь Пётр I, повоював с турками и изучив в составе Великого посольства опыт европейских стран, принялся за реформы в России. В столицу потянулись предприимчивые люди со всех краёв страны.

Как оказался в Москве Иван Данилов сын Соколова неизвестно, но в 1725 году он записан 20-летним, живущим в Басманной слободе в доме «тяглеца»²¹ Холщевникова. Скорее всего, он был отдан в учение и работал на хозяина.

Обучение пошло впрок, к сорока годам он уже купец 2 гильдии.²² Женился на дочери купца Михаила Фролова. Живут одной семьёй в его доме в селе Покровском в приходе церкви Богоявления в Елохове. Имеет торг в холщовом ряду, скорее всего это общее с тестем дело. Торговля в рядах уже предполагала серьёзную организацию дела. Необходимо было создать надёжную цепочку от производителей тканей до покупателя. Промышленного производства ещё не было, ткацкие станки были в домах – как на окраинах Москвы, так и далеко от неё. Везли ткани и на подводах, и по воде.

В это время Москва ограничивалась контуром Земляного города (в настоящее время из него сформировались улицы Садового кольца). Внешняя граница московского поселения была учреждена в 1731 году водочными откупщиками и названа Компанейским валом. Вскоре он стал таможенной и паспортной границей для въезжавших в Москву с 18-ю заставами на всех входящих в город дорогах, и называться стал Камер-коллежским валом. Позже на его месте появились «валовые» улицы – Сущевский Вал, Бутырский Вал, Госпитальный Вал и т.п. В настоящее время по некоторым из них идёт трасса третьего транспортного кольца.

---

²¹ В рассматриваемый период население делилось на «сотни» и «слободы», отражавшие преимущественное положение людей. Высшие права имели лица Гостиной и Суконной сотен, и слободы, находящиеся в дворцовом ведении. Лица, входящие в остальные сотни и слободы именовались «тяглецы».

²² Гильдия указывала на имущественное положение и, соответственно, на права.

В середине XVIII века у Ивана Соколова подрастают сыновья Степан и Тимофей – помощники и продолжатели дела. В 1762 году удачно выдал замуж 17-летнюю дочь Наталию за толкового мужика 28 лет, стоящего уже на своих ногах – Петра Иванова сына Грачева. Молодой, а уже 10 лет состоит в московском купечестве, живёт в доме купца 1 гильдии Фомы Дорофеева и имеет с ним общее дело. Туда и молодую жену привёз.

Так на Малой Ордынке в доме купца Дорофеева началась семейная жизнь Грачёвых, давших свою фамилию многочисленному потомству. Родился Пётр Грачев, скорее всего, в Москве. В ревизских сказках 1767 года записано «по 2 ревизии написано при отце Иване Грачеве в Москве при доме Сыскного приказа асессора Егора Васильева сына Непеина в дворовых людях и от того дома Непеиным в 1751 г. марта в 1 день отпущен на волю вечно»

Дворовые люди были крепостными, как правило поколениями жившие прислугой при хозяевах.

По указу Московского магистрата в 1752 году Пётр Грачев был определён в московское купечество. К этому времени ему было не больше 18 лет. В то время для записи крестьян и разночинцев в купечество нужно было иметь капитал в 500 рублей. Да и выкуп у помещика иногда доходил до 1000 рублей серебром. Для того времени и для той среды, в которой жил Пётр Грачев, это были «большие» деньги, которые зарабатывались не одним годом. На каких условиях получил вольную Пётр Грачев, сегодня уже вряд ли удастся установить.

К 1767 году имел торг от купца Фомы Дорофеева на хорах в Астраханском ряду (хорами называлось менее удобное для торговли место – верхняя открытая галерея). Но был уже купцом 2 гильдии. Родились три сына – Михаил, Дмитрий и Фёдор.

В конце 60-х – начале 70-х Степан и Тимофей Соколов перебираются из Елохова в Бараши, приобретают собственный дом ближе к центру Москвы. К концу XVIII века Барашеская слобода становится уже привилегированным районом Москвы. Расположена она была за Покровским бульваром между сегодняшними улицами Покровкой и Воронцово поле, имела удобное сообщение с центром Москвы. Там начало селиться состоятельное купечество.

Скорее всего, перемена места жительства и собственника дома связаны со смертью отца. Отношения между сестрой Наталией и братьями поддерживались хорошие и она с семьёй – мужем Петром Грачёвым и детьми, переезжает жить к ним в Бараши. Пётр Грачев торг ведёт уже на ларях (в запираемой палатке, ларе) в том же Астраханском ряду. Возможно, у него и братьев Соколовых были совместные дела.

Умер Пётр Иванович Грачев в 1783 г. Отпевали его, скорее всего, в церкви Введения Богородицы в Барашах (церковь сохранилась). Где похоронен – неизвестно. По указу Екатерины II от 1771 г. в связи с эпидемией в Москве было запрещено хоронить ближе Камер-коллежского вала.

После смерти Петра Грачева для его семьи начинается новая жизнь. Старшему сыну Михаилу 19 лет.

У Грачёвых есть семейный капитал и им нужно разумно распорядиться. Бразды правления берет мать семейства – Наталия Ивановна, наверное, чтобы не дробить капитал. В 1792 году она объявляет капитал в 1010 рублей, что было достаточно, чтобы остаться в 3 гильдии. Торг в это время имеет в епанечном ряду.²³

Но уже в 1794 году в капитальную книгу московского купечества вносится запись, что семья Наталии Ивановны живёт в собственном доме Михаила Грачева на 2-Мещанской.

В эти годы сыновья Наталии Ивановны женятся. Отдавать приданное в другие сословия у купечества не было принято. В жёнах у всех оказались купеческие дочери. Но женились не только по расчёту, общаясь в одной среде, браки создавались и по любви.

Дмитрий – прямой предок составителя очерка, женился на 17-летней Екатерине Булгаковой. Появилась новый отросток от корневой ветви в предках составителя.

Грачевы живут своим двором одной семьёй – бабушка, три сына с невестками, внуки. Капитал не делят – гильдейские повинности несёт Наталия Ивановна. Нужно иметь сильный характер, чтобы при себе держать большую семью и управлять делами.

В 1798 году умирает Фёдор Грачев, младший сын Наталии Ивановны, его трёхлетний сын Николай остаётся в семье брата – Дмитрия Грачева. В 1801 году Наталия Ивановна уже во 2-й гильдии, хотя ценз для гильдии существенно вырос. Продолжают жить все одной семьёй.

Вскоре семья Грачёвых вернулась в Замоскворечье, откуда Наталия Ивановна начинала совместную с Петром Грачёвым жизнь. Купили участок со строениями в Замоскворечье в Кадашевской слободе, освоенный ещё в XVII веке.

В Кадашевской слободе Грачевы имели уже усадьбу. По стандартам того времени это дом с надворными постройками, конюшней для лошадей, сараем, баней. При доме сад, что характерно для Замоскворечья того времени. На том же земельном участке могла располагаться их фабрика. В то время производство тканей осуществлялось на ручных ткацких станках с элементарной механизацией.

К 1811 году Михаил Петрович Грачев становится во главе семьи. Ревизскую сказку подаёт он. Матери уже 66 лет. Продолжают жить одним домом. Но дом в Мещанской слободе продавать не стали, записали его за внуком Николаем, сыном рано умершего Федора. Оставшимся Николаю наследством управлял Дмитрий Петрович Грачев.

В 1812 году семью Грачёвых, как и всех жителей Москвы, постигло большое несчастье. Москва сгорела. Из воспоминаний потомков известно, что Грачевы

---

²³ Епанча - широкий безрукавный плащ, женская безрукавная шубейка. В конце XVII века на Руси стала торжественной придворной одеждой, позже – форменной военной. Современное название – пончо.

выехали из Москвы перед нашествием французов. Вряд ли они могли много увезти с собой. Где они жили в эти месяцы? Может быть, они были во Владимирской губернии, где по преданию у них была фабрика.

Вернувшись в Москву, Грачевы нашли на месте своей усадьбы пепелище. Во время эвакуации в их доме в Москве оставались кто-то из слуг. Спасти ничего удалось, в кухонной печи лишь уцелел забытый каравай хлеба да сохранились два вояжных (путевых) стакана, один из которых треснул от огня, второй уцелел. По семейной легенде сохранила эти реликвии до приезда хозяев молодая девушка, которая стала няней в семье Грачёвых. Марфа Петровна прожила в семье до конца своей долгой жизни, к ней в доме все очень уважительно относились, на её руках умерли и Дмитрий Петрович Грачев, и его сын, и его внук. Грачевы, как и многие обитатели Москвы, лишились крова и были разорены. Начали отстраиваться на старом месте в Кадашах. Жизнь налаживалась трудно. По сказке очередной ревизии, поданной в 1816 году Михаилом Петровичем Грачёвым, он купец 3 гильдии. Наталии Ивановны Грачёвой в сказке нет. Возможно не перенесла тягот и последствий войны.

Михаил и Дмитрий с семьями, как и прежде, живут вместе во вновь отстроенном доме в Кадашевском переулке напротив церкви Воскресения Христова.

В 1816 же году Михаил Петрович умирает и во главе их общего дела становится Дмитрий Петрович, ему уже 48 лет.

Не простое наследство досталось моему предку. Нужно сохранить традиции семьи, заложенные отцом Петром Ивановичем Грачёвым и матерью Наталией Ивановной – всей семьёй жить одним домом, одними заботами и интересами. Нужно заботиться не только о своих детях, но и о племяннике, обеспечить старость вдов своих братьев.

Послевоенный кризис коснулся всех, многие купеческие семьи разорились. Однако после 1818 г. Дмитрий Петрович прикупает небольшой соседний участок.

Очередная беда пришла в дом Дмитрия Петровича Грачева в 1825 году. Умирает 28-летний старший сын – Иван, которому, наверное, отец планировал передать в будущем дела, как это было принято в купеческих семьях. Иван не успел жениться и оставить потомства.

Вскоре женится средний сын Дмитрия Петровича – Евграф. Ему 26 лет, невеста на 10 лет моложе. Радуют Дмитрия Петровича и его жену Екатерину Ильиничну внуками. Дети ещё не встали на ноги, старшему 11 лет, младшему 1 год, как в 1838 году умирает их отец – Евграф Дмитриевич Грачев. Заботы о семье среднего сына ложатся на плечи Дмитрия Петровича, а ему пошёл уже восьмой десяток.

В связи со смертью Евграфа, Дмитрий Петрович в октябре 1838 года подаёт прошение в Московский сиротский суд по поводу обеспечения им осиротевших внуков. Он выделяет капитал внукам – детям Евграфа, с условием, что они его получают при достижении совершеннолетия.

Выделенная внукам сумма внушительна – в два раза больше, чем оценены его земельные участки со строениями в Кадашевском переулке.

Дальнейшая судьба детей Евграфа составителем специально не исследовалась. Но известно, что Константин, Дмитрий, Николай и Митрофан воспользовались капиталом деда и во второй половине XIX века значатся как купцы. Род этой фамильной ветви Грачёвых продолжается. В 2016 году на составителя очерка вышел их потомок – Сергей Грачев, собирает историю своих предков.

Смерть Евграфа подтолкнула Дмитрия Петровича передать дела единственному оставшемуся сыну – Семёну. Ему уже скоро сорок лет, женился на Кирьяковой Екатерине Николаевне, дочери замоскворецкого купца, растут трое сыновей. И протянулся ещё один отросток от корневой ветви – Кирьяковы.

Дмитрий Петрович Грачев умер на 81 году жизни в доме, в котором прожил почти полвека. Похоронен на Даниловском кладбище.

Приняв от отца дела, Семён Дмитриевич покупает в середине сороковых годов усадьбу в пятистах шагах от отчего дома – в Черниговском переулке. По оценке, приведённой в справочнике за 1842 год, усадьба в два раза дороже владения в Кадашевском переулке. Въезд в усадьбу со стороны переулка, одна из сторон участка выходит на ул. Б. Ордынка.

Отец оставил Семёну Дмитриевичу налаженное дело. Дмитрий Петрович хоть и был купцом только 3 гильдии, но смог обеспечить хорошим наследством внуков – детей умершего старшего сына Евграфа, помог Семёну купить хорошую усадьбу.

Встал во главе семейного дела Семён Дмитриевич Грачев, когда ему было уже за сорок. Но мальчики из купеческих семей привлекались отцами к работе задолго до совершеннолетия. Так воспитывали и помощников, и наследников. После смерти отца Семён Дмитриевич записан как купец 3 гильдии. Возможно, гильдия занижена умышлено. По тем же причинам возможно и дом в Черниговском переулке записал за женой.

Предполагаю, что покупка Семёном Дмитриевичем усадьбы связана с желанием изменить и образ жизни, и направление деятельности, и отказаться от суконного производства в собственном доме. Семён Дмитриевич уже представитель новой формации отечественного купечества.

Семён Дмитриевич встретил 1850 год в новом доме в Черниговском переулке с большой семьёй – супруга Екатерина Николаевна и девять детей. Места в доме было достаточно, хватало в будущем и внукам, приезжавшим к деду, а после его смерти к дяде – Николаю Семёновичу (крестному многих своих племянников) по престольным праздникам с поздравлениями. Да и в саду было место побегать.

В воспоминаниях младшей внучки – Наталии Дмитриевны Грачёвой (бабушки составителя очерка) запечатлелся большой двухсветный зал с новогодней ёлкой. Зал сохранился до наших дней почти без изменений.

Приняв от отца дела, Семён Дмитриевич сразу же включается в общественную жизнь купеческого сообщества. В 1842 году был избранным «товарищем»

(заместителем) городского старосты от 3-й купеческой гильдии. В 1849 – 1852 годах был избранным гласным в Московской шестигласной думе. По своему статусу шестигласная дума особой роли в делах Москвы не играла, но избрание в неё безусловно добавляло авторитета. Поднялся до 2-й купеческой гильдии.

В 1853 году началась Крымская война. Впервые со времён Отечественной войны 1812 г. Россия противопоставила себя крупной коалиции европейских стран. Патриотические настроения общества поддерживались властью. Собирались пожертвования. Сохранились сведения, что в 1855 году Семён Дмитриевич жертвует на ополчение 2000 рублей. Были и другие пожертвования, в том числе и церкви, которые не остались без внимания.

За заслуги и пожертвования и по случаю коронации Александра II в 1856 году Семён Дмитриевич был пожалован золотой медалью для ношения на шею на Аннинской ленте. В 1858 году получил бронзовую медаль в память войны 1853-1856 гг., в 1866 году за пожертвования Синоду Всемилостивейше пожалован Кавалером ордена Св. Станислава третьей степени.

Манифестом Николая I ещё в 1832 году было введено звание потомственного почётного гражданина. С причислением к почётному гражданству приобретались определённые привилегии – свобода от подушного оклада, от рекрутской повинности, от телесных наказаний, право именоваться во всех актах почётными гражданами др. Дети и внуки наследовали потомственное почётное гражданство по рождению. Ходатайствовать о причислении к потомственному почётному гражданству могли и лица купеческого сословия за особые заслуги, в том числе награждённые орденом Российской Империи.

Семён Дмитриевич этим воспользовался (а скорее всего – к этому стремился) и всемилостиво обратился к Государю Императору с прошением о возведении его и его детей в потомственное почётное гражданство, которое и получил в конце 1866 года.

Почётное гражданство обеспечивало семейным купеческим кланам стабильное общественное положение, не зависящее от возможных неудач в делах.

Начиная с 60-х годов XIX столетия были созданы Московское городское кредитное общество, городские общественные банки, Московское купеческое общество взаимного кредита, Московский торговый банк. Созданный ещё Дмитрием Петровичем, а потом и его сыном Семёном начальный капитал уже сам стал «работать», удачно участвуя в биржевых спекуляциях. При этом Семён Дмитриевич не отказывается от заявляемой ранее деятельности – торговли в рядах, за женой числятся две лавки в городской части. Скорее всего, это уже была не сама торговля, а сдача в аренду торговых мест.

Все свободные средства Семён Дмитриевич вкладывает в покупку домов в Москве и, предположительно, акций обществ, образующихся в России в большом количестве. По регулярно публикуемым в тот период котировкам, доходность акций некоторых обществ доходила до 20%, что подогревало биржевые спекуляции. В какой степени это касалось семьи Грачёвых, сегодня вряд ли удастся узнать. Ни в архивах, ни в газетных публикациях ссылок на деятельность

Семена Дмитриевича Грачева обнаружить не удалось. Расхожее выражение – «деньги любят тишину» в истории Грачёвых получает своё подтверждение. Недвижимость приобреталась не только для обеспечения собственным жильём детей, средства вкладывались и в доходные дома, и в меблированные комнаты.

В семье потомков Семена Дмитриевича сохранилась версия, что источником богатства была Северная железная дорога, в строительстве которой Грачевы принимали участие. В отдельные годы доходность акций железной дороги поднималась до 30%.

Возраст Семена Дмитриевича требовал подумать, как разделить имущество. По сохранившимся выписям из крепостных видно, что наследники в последующем неоднократно перераспределяли доставшееся имущество. Но по воспоминаниям наследники жили дружно, сведения о тяжбах не зафиксированы. Наследников было много. Семён Дмитриевич не хотел никого обделить, в числе наследников были не только дети и их супруги, но возможно, и внуки. Так – его внукам доли по дому на углу Мясницкой ул. и Армянского пер. со временем перешли по 2/35.

Умер Семён Дмитриевич в 1884 году в собственном доме в Черниговском переулке. Супруга – Екатерина Николаевна умерла раньше. Детям остались не только капитал и недвижимость, но и почётное потомственное гражданство. Грачевы владели домом больше 50 лет – до 1906 года.

После смерти Семена Дмитриевича дети забрали свои наследные доли и погрузились в свои интересы. Отношения между ними на долгие годы сохранились по-родственному хорошими.

Третий по возрасту сын Семена Дмитриевича – Дмитрий Семёнович, прадед составителя очерка, продолжил участие в делах по строительству Северной железной дороги, в делах купеческого сообщества, принимал участие в общественной деятельности – какое-то время был членом комиссии при Городской Думе по городским мостовым.

По сохранившимся воспоминаниям потомков Дмитрий Семёнович был достаточно образованным человеком с широким кругозором, умным, наблюдательным и любознательным. Интересовался историей и литературой, был в курсе текущих политических событий, много читал.

В 1870 г. 38-летний Дмитрий Семёнович женился на 18-летней Маше Клаповской, которую знал с её пелёнок. Грачевы и Клаповские были давно знакомы, а Дмитрий Семёнович, в связи с ранней смертью её отца, даже принимал некоторое участие в её воспитании.

Образование у Маши было домашним, но судя по сохранившимся в её памятной книжке (дневнике) записям – достаточно хорошим. Среди перечисленных прочитанных книг – Пушкин, Шекспир, Тургенев, Гончаров, только что вышедший роман Война и мир, книги на французском, Дон Кихот и записки об Испании, история французской революции Томаса Карлейля и многие другие. С десятилетнего возраста и до замужества с ней жила гувернантка – Мария Нико-

лаевна Кауфман. Когда у Марии Андреевны начали подрастать дети, Мария Николаевна вернулась в семью, уже Грачёвых, и прожила с ними до своей смерти в 1910 г. Мать Марии приучала дочь быть любознательной, они часто путешествовали и по Подмоскovie, и по России. Ездили в Киев, Харьков, Воронеж, Тихвин, Новгород, Петербург.

Грачевы начали подыскивать собственное жильё. Остановились на усадьбе в Малом Кисловском переулке. Ещё до отмены крепостного права в 1861 году многие дворянские семьи вынуждены были отказаться от усадеб и особняков в Москве. Около 1860 года дом на Кисловке был продан владельцем вместе со всей обстановкой и собранием живописи московскому купцу, а в 1872 г. домовладение с коллекцией картин перекупили Грачевы.

В этом доме Мария Андреевна и Дмитрий Семёнович прожили до конца своих дней. Здесь родились, кроме старшего сына Семена, все их дети и многие внуки. Брак Дмитрия Семёновича и Марии Андреевны был счастливым, но не продолжительным, Дмитрий Семёнович умер в 1893 г. от болезни сердца. Младшая дочь – Елизавета родилась за неделю, до смерти отца.

Заботы о младших братьях и сёстрах легли и на старшую дочь – Людмилу, которой было уже 20 лет.

Дмитрий Семёнович и Мария Андреевна Грачевы относились уже к просвещённому слою буржуазного общества. Получив хорошее по тем временам домашнее образование, они и своим детям старались дать достойное тому времени образование.

Сыновья – Семён, Андрей, Алексей учились в лучшей в то время в Москве частной классической гимназии Поливанова. Младший сын – Борис, учился в 7-й, тоже престижной, гимназии.

Трое сыновей продолжили учёбу в Императорском Московском государственном университете, Борис – в Императорском техническом училище.

Дочери тоже учились в гимназиях – в классической гимназии Фишер, в частной женской гимназии Ю.П. Бесс.

Наталия Дмитриевна (будущая бабушка составителя очерка) продолжила учёбу на Высших женских курсах.

Дальнейшая история Наталии Грачёвой изложена в главе Уборские XX век.

Лангинен

Род Лангинен не имеет отношения к корням составителя очерка. Но имеет непосредственное отношение к корням его потомков.

Случай соединил ещё ничего не думающего о генеалогии будущего составителя очерка с будущей основательницей новой семьи Уборских. В силу объективных причин корни её семьи изучены наполовину – только по линии её мамы, имевшей в девичестве фамилию Лангинен.

Однозначную этимологию фамилии Лангинен составитель очерка на просторах интернета не нашёл. Существуют разные версии образования фамилии. Единственно, в чём сходятся специалисты – фамилия финского происхождения. На это указывает присущий языку восточной части Финляндии уменьшительный суффикс «-нен».

На финское происхождение фамилии указывает и место появления фамилии в генеалогической цепи предков – Valkeasaari (Валкеасаари) – финское название нынешнего Белоострова, недалеко от С.-Петербурга.

На карте мира Финляндия, как государство, появилась лишь в 1919 году. До 1809 года Великое княжество было в составе Шведского королевства, потом в составе Российской империи. Граница между Выборгской губернией (в составе Великого княжества Финляндского) и Санкт-Петербургской губернией проходила по реке Сестре.

Ещё в начале XVIII века по инициативе Петра I рядом с устьем реки была построена гавань, а в месте слияния рек Сестра и Черная была построена плотина, сформировавшая озеро Сестрорецкий Разлив. И начал строиться оружейный завод, положивший начало созданию города Сестрорецк.

Население Valkeasaari составляли, в основном, крестьяне, державшие натуральное хозяйство, рабочие фабрик жили, в основном, в слободе, названной позже Александровка.

Во все времена и на всех континентах у женщин рождались и рождаются внебрачные и «нежеланные» дети. Часты случаи, когда дети остаются без родителей по трагическим обстоятельствам. Отношение общества к сиротам и брошенным определяется национальными и культурными традициями, религией. В России сложилась система призрения за сиротами и убогими. Церковь передавала брошенных детей в монастыри, в крестьянских общинах сиротам помогали всем миром, власти стимулировали приёмные семьи. Ещё в конце XVIII века высочайшими указами были созданы Московский и Петербургский воспитательные дома для призрения и образования детей всех сословий, оставшихся без попечения родителей. Открывались сиротские школы, приюты.

В семье потомков рассматриваемой в генеалогической ветви Лангинен сохранилось предание, что их далёкий предок – Николай Кустов, был взят из петербургского приюта в финскую семью в поселении Valkeasaari. В этой семье

рождались только девочки, а для поддержания крестьянского хозяйства нужны были мужские руки.

По выданным документам Николай родился в 1839. В каком возрасте Николай попал в финскую семью Павла Лангинен неизвестно. По имени и фамилии (возможно присвоенным в приюте) Николай был православным. Сохраняя имя и фамилию приёмного сына, приёмный отец получал до определённого возраста установленное действующими положениями пособие.

Когда и почему Николай Кустов взял себе фамилию приёмного отца мы не узнаем. Можно предположить, что, зарегистрировавшись под фамилией приёмного отца, когда подошёл возраст, он уклонился от рекрутского набора в российскую армию. Княжество финляндское имело свой порядок формирования армии. Имя и отчество, записанные в приюте, он сохранил – Николай Кузьмич.

Женился он ближе к сорока своим годам, видимо, когда «встал на ноги», до своих последних дней работал на картонажной фабрике Ольхина. Умер в 1919 году в возрасте 80 лет.

Жена – Анна Матвеевна. Так началась русская православная большая семья с финской фамилией.

Необходимо отметить, что настоящий очерк практически полностью составлен на основе передаваемых из поколения в поколение воспоминаний, что свидетельствует о сохранившейся на долгие годы крепости отношений, несмотря на перенесённые тяжести и невзгоды.

Пытливые потомки, погрузившись во все более раскрывающиеся оцифрованные архивы, наверняка найдут не только подтверждение воспоминаниям, но и откроют неожиданные новые сюжеты.

Николай с семьёй обосновался в Александровке. Об Александровке сейчас напоминает Александровское шоссе, идущее через нынешний Белоостров от железной дороги на север в сторону Выборгского шоссе.

Первой у молодой семьи Николая Лангинен родилась дочь Екатерина в 1878 году. В 1880 году в семье Николая родился сын, которого назвали в честь деда (отца матери) Матвеем, оказавшимся впоследствии предком потомков составителя очерка. С 14 лет начал работать на картонажной фабрике, где работал и отец.

Третьим ребёнком в семье Николая Кузьмича был Иван, следующая – дочь Мария, родилась в 1890 г. Пятый ребёнок получил имя отца – Николай, родился до 1896 г. Младшей в семье Николая Кузьмича Лангинен была Анна, родилась в 1896 г.

Продолжение истории Матвея Николаевича Лангинен ниже – в главе Уборские XX век.

Уборские XX век

Итак – в XX век вступили: ярославский семинарист Иван Уборский, могилёвская гимназистка Ольга Гагман, московский гимназист Евгений Вяткин, московская гимназистка Наталия Грачева, молодой рабочий из Сестрорецка под С.-Петербургом Матвей Лангинен.

Двадцатилетний Иван Уборский заканчивает Ярославскую духовную семинарию и в 1901 году зачислен в Ярославский Демидовский юридический лицей. В 1906 г. получил «право на получение степени кандидата права по представленной диссертации». Переезжает в Москву, где служит секретарём прокурора Московского окружного суда, секретарём Московской Судебной палаты, снимает жильё в Уланском переулке. В декабре 1909 года назначен Высочайшим приказом товарищем прокурора²⁴ Тобольского окружного суда.

Могилёвский губернатор Дмитрий Фёдорович Гагман в 1909 году назначается губернатором Тобольской губернии. Когда ему представился новый товарищ прокурора мы вряд ли узнаем. Но с дочерьми губернатора Иван Уборский познакомился уже в начале 1910 года, о чём свидетельствует сохранившаяся групповая фотография и открытка из Москвы Уборскому с поздравлением от Ольги Гагман с пасхой 1910 года. «А духи так напомнили тебя и особенно почему-то время, когда ты жил в доме Немчинова».²⁵

Как и где проходило их бракосочетание неизвестно. Но как бы там ни было, у молодой четы Уборских Ивана Николаевича и Ольги Дмитриевны в 1911 году рождается дочь Кира. И уже в ноябре этого же года в соответствии с Высочайшим приказом Уборский Иван Николаевич назначается товарищем прокурора Могилёвского окружного суда и переезжает с женой и дочерью в уездный город Могилевской губернии – Мстиславль. Видимо не без протекции бывшего губернатора.

В городе чуть больше тысячи жилых домов, в основном деревянных, мужская и женская гимназии, 2 библиотеки, больница, аптека, церкви, костёл, синагога. Ссылка-нессылка после Ярославля, Москвы и Тобольска, но тесть тоже начинал с маленького уездного городка – Весьегонска.

В октябре 1913 года молодая семья Уборских увеличилась, родился сын – Вадим, отец будущего составителя настоящего очерка.

Опять начало нового века. Сын потомственного дворянина Евгений Вяткин учится в гимназии и дружит с Борисом Грачёвым из состоятельной купеческой семьи, сыном потомственного почётного гражданина. Дома, где они жили, были не далеко, обе семьи приветствовали, когда у их собиралась молодёжь. У Евгения была младшая сестра Софья, у Бориса младшая сестра Наталия. Обе учились в гимназиях, но разных.

---

²⁴ Заместитель прокурора

²⁵ Цитата из письма.

Евгений Вяткин после окончания гимназии поступил в Императорский Московский университет, Борис Грачев – в Императорское Московское техническое училище. Наталия Грачева после гимназии поступила на Московские высшие женские курсы. Дружеские отношения детства переросли в любовь и в один день были созданы две новые семьи. Вяткины Евгений и Наталия, Грачевы Борис и Софья.

В июле 1912 года в молодой семье Вяткиных родилась дочь Наталия, ставшая в последствии матерью составителя настоящего очерка.

Ещё раз начало XX века, Белоостров. Двадцатилетний рабочий картонажной фабрики Матвей Лангинен включается в рабочее движение. Первые рабочие профессиональные союзы появились в Англии в середине XVIII века. До России профсоюзное движение докатилось лишь в конце XIX столетия, а их легализация произошла в 1905 году. Матвей Лангинен становится первым предводителем профсоюза на бумажной фабрике.

В этом же году Матвей Николаевич женится на Акимовой Анне Михайловне. Первой у молодой пары родилась дочь Мария в 1906 году. И суждено ей было стать не только первой помощницей матери по уходу за младшими сёстрами и братьями, но и заботливой бабушкой детей составителя очерка.

Первая Мировая война внесла свои коррективы в складывающийся семейный уклад и Уборских, и Вяткиных, и Лангинен.

Уборские задержались в Мстиславле недолго. В сентябре 1915 г. германскими войсками был занят Гродно, следующий удар был нацелен на Минск. Уборские уехали из Мстиславля, в 1916 году Иван Николаевич товарищ прокурора окружного суда Ярославля. Квартиру снимали в престижном районе на ул. Семёновский спуск.

В 1916 году Евгения Александровича Вяткина призывают на военную службу в качестве чиновника военного времени в соединённой канцелярии эвакуированных крепостей. Служба проходила в Москве. Живут в пятикомнатной квартире дома Грачёвых в Малом Кисловском переулке.

Военные действия не затронули Белоостров. Фабрики и заводы продолжали работать. Революционные настроения рабочих подогревались многочисленными партиями.

Коренной перелом в жизни семей произошёл после октябрьского переворота в 1917 году.

Новой власти старая судебная система с её прокурорами и адвокатами была не нужна. Иван Николаевич Уборский в первые месяцы после революции занялся хозяйственной деятельностью – работал заведующим национализированной кондитерской фабрики. Ольга Дмитриевна тоже была вынуждена работать – иждивенчество было признаком принадлежности к отвергнутым классам. А продуктовые карточки²⁶ выдавались только работающим гражданам.

---

²⁶ Продуктовые карточки, талоны – инструмент замены товарно-денежных отношений при дефиците товаров. Введены после Февральской революции, постепенно отменялись в годы НЭПа.

Евгений Александрович был повторно мобилизован на военную службу, но уже в Красной армии. В Москве голод, разруха, грабежи. Решили выехать семьёй в имение Грачёвых Фомино – ещё не разрушенное, с налаженным сельским укладом и основными продуктами собственного производства.

Матвей Николаевич включился в борьбу по защите завоеваний победившего класса. Погиб в 1919 году. По одной версии в Красной армии защищая Петербург от войск Юденича, по другой – от тифа при хлебозаготовках на Волге. С помощью профсоюзов, фабричных заводских комитетов и местных Советов создавались рабочие продотряды, организующие на селе уборку урожая (а часто реквизицию), транспортировку зерна и заготовку хлеба для горожан. Пятеро детей остались без отца, старшей Марии ещё 13 лет.

Семьи Уборских и Вяткиных попали в число «бывших» – представителей отвергнутого класса. С лишением ряда прав, в том числе и на получение высшего образования.

Победившему классу были продекларированы права и свободы, но ими осиротевших детей борцов за новую власть не накормишь, ни оденешь.

Что было общее – тяжело было всем. Революция сломала устоявшиеся веками традиции, нормы отношений, морали, гражданская война разрушила хозяйство.

Но выстояли. Вадим Уборский и Наталия Вяткина, скрывая своё сословное прошлое, закончили высшие учебные заведения. И нашли друг друга, благо искать далеко не пришлось – Наталия Вяткина работала в институте Стали, а Вадим Уборский учился в этом институте. На пятый день очередной Великой Отечественной войны у них появился первенец, ставший в последствии неугомонным копателем собственной истории.

Мария Лангинен включилась в развитие новых общественных форм молодой страны социализма – пионерские, комсомольские организации. Закончила Кооперативные курсы ЛСПО²⁷, вступила в ВКПб²⁸. Вышла замуж за молодого большевика. В 1939 году политрук Евдоким Федотович Дергунов погиб на финском фронте, оставив молодую вдову с тремя детьми. Блокада Ленинграда отобрала одного из них. Эвакуация по «Дороге жизни» в Омскую область, годы восстановления сил подарили Марии Дергуновой (Лангинен) дочку, как она сама говорила «на счастье».

И стала дочка, со временем, женой составителя очерка, мамой, бабушкой, прабабушкой – главой двуглавой изучаемой семьи Уборских.

---

²⁷ Кооперативные курсы Ленинградского союза потребительских обществ.

²⁸ ВКПб – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков.

Дризены

В этой главе очерка рассказано об одной из генеалогических ветвей семьи Уборских, нисходящих от следующего за бабушками поколения. Последний носитель фамилии Дризен в генеалогической цепи составителя – прабабушка Ольга Николаевна Дризен, в замужестве Гагман.

Раскапывание других генеалогических ветвей от этого и более древних поколений оставляю пытливым потомкам. Но к истории Дризенов у составителя очерков особое отношение.

В начале 80-х прошлого столетия стал собирать у всех родственников старые документы, письма, фотографии, записывать на диктофон истории. К началу девяностых собралась буквально «большая куча», что с ней делать, куда приложить незнакомые и непонятные фамилии не знал.

На оборотной стороне одной из фотографий сестёр моей бабушки Ольги Дмитриевны Уборской (Гагман), найденной уже после её смерти за подкладкой старого ридикюля, было короткое письмо барону Николаю Фёдоровичу Дризену.

Поисковики в интернете только создавались. В командировке в С.-Петербурге случайно узнал, что открыт доступ в Российский государственный исторический архив. Сразу туда, называю первую вспомнившуюся непонятную фамилию – Дризен. Получаю дело на 149 листах. Был шок. И «подсел» на генеалогию.

С дела о Дризенах началось планомерное и документальное исследование корней семьи. Незаметно подошёл 2012 год – 200-летие Бородинского сражения. Первые публикации, научные конференции в России и за рубежом – о герое войны Фёдоре Васильевиче Дризене.

Род Дризенов интересен прежде всего тем, что он наглядно отражает те исторические процессы интеграции народов, национальностей, вероисповеданий, которые происходили в России на протяжении многих веков. Выходцы из Пруссии, они честно и самоотверженно служили новому Отечеству.

Фамильные корни Дризенов уходят в XIV век. У Дризенов было потомственное занятие – воевать. Служили разным предводителям, становились подданными непрерывно создаваемых и рассыпающихся государств.

В середине XVIII века в церковной книге Королевского Прусского пехотного полка появляется запись: «От законного брака высокоблагородного господина барона Христиана Фабиана Дризен и высокоблагородной госпожи Гертруды Адельгейды (Аделаиды), урождённой фон Вильмсдорф, 13 мая 1746 г. родился и 23 мая окрещён Карл Вильгельм Гейнрих. Знатными восприемниками были: генерал граф Нейвид, генерал-майор от кавалерии барон Вильгельм Георгий Дризен ...» и ещё 6 человек.

В будущем Карл не нарушил семейной традиции – выбрал военную карьеру. Не искали выбора и сыновья Карла, они все четверо со временем стали военными.

В 1781 году Карл Вильгельм Дризен объявился в Митаве (Елгаве) и предложил свои услуги герцогу Курляндскому Петру Бирону. Курляндское герцогство территориально примыкало к западным границам России, являясь вассалом Речи Посполитой.

Через восемь лет Дризен поднялся до командующего герцогской гвардией. Правда, в составе гвардии был лишь пехотный батальон (от 400 до 500 человек), несколько десятков всадников и несколько артиллеристов. Батальон выполнял, прежде всего, репрезентативную функцию.

В 1794 г. гвардия под началом Дризена в составе русского корпуса генерал-лейтенанта Голицына участвовала в подавлении польского восстания. В 1795 году Курляндское герцогство вошло в состав Российской империи. Уже полковник Дризен был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени и вступил, на этот раз, в российскую военную службу. Имя Карла Вильгельма было русифицировано – теперь он звался Василием Карловичем²⁹.

Карл Вильгельм Дризен присягнул императрице Екатерине II одним из первых в числе курляндцев, находившихся с визитом в Петербурге.

После смерти императрицы в 1796 году Дризен был приближен императором Павлом I с назначением тогда же флигель-адъютантом³⁰ при своей священной особе. Качества, которыми обладал Карл Дризен, были не очень востребованы в его прусской службе и в службе у Курляндского герцога. Но эти качества оказались кстати и пришлись ко двору в России.

В 1799 году «по причине приключившихся тогда в Литве беспокойств» повелено быть ему Курляндским гражданским губернатором. В 1800 году он уже Тайный советник,³¹ кавалер ордена Св. Анны 1-й степени.

В годы губернаторства Карл Дризен в честь Павла I сооружает в Митаве пирамидальную стелу с шаром на вершине высотой около 2 ½ сажень (более 4 м).

В 1801 году Курляндское дворянство приняло баронский род Дризенов в словие и записало в свои родословные книги. С этого момента все потомки барона Карла Дризена стали именоваться «из Курляндских дворян».

Ещё в 1797 года Павел I со словами «Я их беру к Себе и буду им Отцом» принимает на русскую военную службу двух старших сыновей Карла – баронов Егора и Фёдора Дризенов и направляет их прапорщиками в привилегированный Лейб-гвардии Преображенский полк.

Спустя сорок лет Фёдор Васильевич Дризен так оценит отношение к своему отцу Павла I: «...осыпал покойного моего отца неизъяснимыми милостями, кои на чём не могли быть заслужены...». Найти документальных подтверждений заслуг Карла Дризена не удалось. Биографы Павла I единодушно отмечают неоднозначность многих принимаемых им решений и особую любовь ко всему прусскому.

---

²⁹ Далее в тексте очерка первоначальное имя – Карл Вильгельм или Карл сохранены.

³⁰ Флигель-адъютант - офицер, состоящий адъютантом при особе царствующей фамилии или же при самом государе.

³¹ Тайный советник – III класс табели о рангах, обращение к нему – Ваше превосходительство.

После смерти Павла I наследники Александр I и Николай I сохранили хорошее отношение и к Карлу Дризену и к его сыновьям.

В 1802 году Егору Дризену 22 года, Фёдору – 19, они уже поручики Преображенского полка.

С детства оба были приписаны к прусской лейб-гвардии. Где учились – неизвестно. Во всяком случае, знания в детстве были получены достаточные, чтобы в будущем занимать немалые военные и государственные должности. В формулярном списке генерал-лейтенанта Фёдора Васильевича Дризена от 1 января 1838 г. записано: «Кроме российского и немецкого знает французский и английский языки, историю, географию, статистику, математику, фортификацию, риторику и логику». Совершенно очевидно, что стремление к учёбе было привито с детства.

В это время полк дислоцируется в одной из деревянных слобод, названной Преображенской, на окраине строящегося Санкт-Петербурга, на Московской стороне за Фонтанкой. Только 1-й батальон, охраняющий Зимний дворец, размещался в казарме на Миллионной улице. Полк в боевых походах с 1790 г. не участвует, занят строевыми упражнениями в манежах и на плацу, охраной Зимнего дворца, проявляет себя на манёврах вблизи столицы, на парадах. Служба идёт ровно, очередные звания получают в срок и досрочно. Столичная жизнь молодых холостых гвардейских офицеров должна проходить, как предполагается, активно и жизнерадостно.

Отголосок той бурной жизни наших героев нашёлся в мемуарах Сергея Львовича Толстого (сына великого писателя) и в памфлете поэта, будущего героя Отечественной войны Дениса Давыдова.³²

В начале века хорошее настроение в российском обществе поддерживается победами Суворова, успехами России в международных отношениях. Но озабоченность в российском обществе вызывает выскочка Наполеон. Энергичный император Александр I и его молодое необстрелянное в войнах окружение вселяют подданным уверенность в силе России. Заключаются антифранцузские союзы, делаются заявления – чтобы неуёмней корсиканец знал своё место.

Однако французы продолжают завоёвывать Европу. Россия спешит помочь отстоять независимость союзной Австрии.

В конце лета 1805 года русские войска пришли в движение. Первой перешла границу Австрии армия М.И. Голенищева-Кутузова. 10 августа на плацу лейб-гвардии Измайловского полка Александр I провёл смотр гвардейским полкам, которые прямо со смотра двинулись в поход.

Попытка разгромить Наполеона Бонапарта под Аустерлицем закончилась катастрофой. Союзники потеряли 27 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, 158 орудий, 30 знамён. Потери французов составили 12 тысяч человек убитыми и ранеными.

---

³² См. Корни семьи. Том 1. Книга 1. Материалы исследований.

7 апреля 1806 г. потрепаные в боях батальоны лейб-гвардии Преображенского полка вернулись на свои квартиры в Россию. Дризен потерял боевых товарищей, многие были ранены и покалечены. Ему повезло – он остался жив, не посрамив при этом ни офицерской чести, ни фамилии предков. За оказанную храбрость в Аустерлицком сражении барон Фёдор Васильевич фон Дризен был награждён орденом Св. Анны 4 степени.

Кровавое и болезненное боевое крещение штабс-капитана Федора Дризена состоялось.

После Аустерлица Фёдор Дризен в ратных делах не участвовал до 1812 года.

В 1808 году боевому офицеру 25-летнему Фёдору Дризену присваивается звание полковник и он назначается командиром Виленского мушкетёрского полка. Через месяц полковник барон Фёдор Васильевич Дризен получает повышение – он шеф Муромского пехотного полка.

Связи у Карла Дризена в высшем свете сохранились и в начале 1811 года его младшие сыновья – 22-летние Фёдор (младший)³³ и Василий приняты из поручиков прусской армии прапорщиками лейб-гвардии в Драгунский полк.

Россия ожидала войны с Францией. Александр I продолжал мечтать о славе освободителя Европы от ненавистного ему реформатора. Забыв об уроках Аустерлица, он подталкивал военное командование России к переходу Немана и начал боевые действия на его левом берегу. Умудрённые же боевым опытом военачальники готовились к обороне от превосходящих сил неприятеля, и, не зная направления его главного удара, растянули свои силы вдоль всей предполагаемой линии фронта.

В 2 часа ночи 12 июня 1812 года Наполеон, нарушив Тильзитский договор, приказал начать переправу на русский берег Немана. Началась новая война, названная позже Отечественной войной 1812 года. Наполеон не планировал завоёвывать Россию, он хотел разбить её армию и заставить Александра I подписать унижительный мир.

С переходом французов Немана по всей линии фронта начались арьергардные³⁴ бои отступающей русской армии. Они практически не попали в исторические хроники войны, так как носили локальный характер и не имели стратегического значения. Но в таких стычках с противником гибли наши соотечественники, проявляя не меньшие примеры героизма, чем на больших полях сражения, где, впоследствии заслуженно отмеченные генералы в бой водили дивизии, корпуса и армии.

Первым из братьев Дризенов в войну вступил прапорщик Василий Дризен, 16 июня он участвовал в сражении при Вилькомире (сегодня Укмерге, Литва) о чём позже было записано в его формуляре.

---

³³ При приёме на службу иностранцам давались русские имена, наличие в семье одинаковых имён не было редкостью.

³⁴ Арьергард – войска прикрытия отступления.

А в формулярном списке Федора Дризена в графе о боевых походах и сражениях записано: «1812 июня 20 под Свянцианами в особенном отряде с полком и лёгкой батареей в 12 орудий для защищения моста, по которому весь аррьергард должен был ретироваться».

Около 6 утра 25 августа 1812 года французская армия начала атаку на Бородино и Семёновские флеши. В бою за Семёновские флеши шеф Муромского полка Дризен Фёдор Васильевич был ранен пулею в коленную чашку левой ноги и вынесен с поля боя.³⁵

Заслуги перед отечеством шефа Муромского полка не были забыты. Указ о награждении Федора Дризена орденом Святого Георгия 4 степени за отличия в Бородинском бою был подписан 23 декабря 1812 г. На следующий год по случаю годовщины Бородинского сражения барон Дризен Фёдор Васильевич произведён в генерал-майоры.

Лечение результатов не дало. Пуля в ноге не давала покоя. 14 апреля 1816 года главный по Армии медицинский инспектор даёт заключение о необходимости заграничного лечения минеральными водами. Как показали дальнейшие события, минеральные воды не излечили от болей в колене. Но помогли в личном плане – в Англии Фёдор Васильевич женится на Марии Айкен. Ногу пришлось ампутировать.

Раны после операции зажили, и состоящий по Армии генерал-майор барон Дризен Ф.В. лично просит Государя Императора «о назначении его состоять при Военном министре» и получает положительное решение. Несмотря на инвалидность служба пошла своим чередом: член комиссии провианта Военного министерства, исполняющий должность председателя оной комиссии, председатель комиссии. Генерал-лейтенант с 1826 г.

Эти годы он живёт с семьёй в С.-Петербурге. В браке с Марей Айкен у них рождаются пять детей. Мария Айкен умерла при родах последней дочери.

В годы службы Ф.В. Дризена в С.-Петербурге английский художник Джорж Доу пишет его портрет для Военной галереи Зимнего дворца.

В октябре 1826 года генерал-лейтенант барон Дризен Фёдор Васильевич назначен комендантом в Ригу. Начинается новый этап служебной карьеры и личной жизни. Преданность делу, смелость, ответственность пригодились и в мирное время.

В 1827 году уходит из жизни основатель российской ветви баронов – Карл Вильгельм фон Дризен в возрасте 81 год.

Произошли изменения в личной жизни Фёдора Васильевича Дризена. 18 сентября 1832 года обвенчался с Розалией Штробиндер. Родились семь детей.

---

³⁵ Фрагменты аррьергардных боев на всём протяжении отступления войск, в которых участвовал наш предок Фёдор Васильевич Дризен, сюжеты Бородинского сражения см. Корни семьи. Том 1. Часть 1. Материалы исследований.

Комендантом в Риге Фёдор Васильевич Дризен прослужил до 1839 года.

Вернулся с семьёй в С.-Петербург. С 1839 года – казначей, а затем член Капитула императорских и царских орденов с оставлением на военной службе. В 1845 г. произведён в генералы от инфантерии.

Умер Фёдор Васильевич Дризен 30 сентября 1851 года. Похоронен в Паулсгнаде (Елгава, Латвия) рядом с родителями.

Заметный вклад в отечественную историю внесли дети и внуки Федора Васильевича Дризена.

В настоящем очерке читателю должна быть более интересна, прежде всего, судьба очередного предка составителя по фамилии Дризен – Николая Фёдоровича, сына героя Отечественной войны. Родился Николай Фёдорович фон Дризен в Риге в 1936 году. Уже пятилетним, как и другие внуки и правнуки Карла Дризена, был зачислен в пажеский корпус.

После шестилетнего обучения «отличнейшим воспитанником» 16 июня 1856 г. выпущен в прапорщики Лейб-гвардии 1-го Стрелкового батальона. Далее перемещения по службе, очередные звания.

Где и как познакомился Николай Дризен с Параскевой Васильевной Оржевской история умалчивает. 19-летняя дочка тайного советника, отставного директора Департамента Полиции, стала баронессой Дризен.

В 1868 год был знаменателен для Николая Дризена – произведён в полковники и родилась дочь Ольга, которая стала впоследствии прабабушкой составителя очерка. А фамильная линия Оржевских – ещё одним генеалогическим корешком в разветвлённой корневой системе семьи Уборских.

Брак Николая Фёдоровича с Параскевой Васильевной оказался непрочным, в списках 1886 г. указано, что Н.Ф. Дризен разведён. Но отношения Николая Фёдоровича Дризена со своей дочерью Ольгой сохранились хорошими, впоследствии он был близок с её семьёй, помогал им, внуки к нему нежно относились.

С апреля 1896 г – начальник 25 пехотной дивизии, генерал-лейтенант. Дивизия расквартирована в Динабургской крепости в г. Двинск Витебской губернии (сегодня Даугавпилс, Латвия).

Умер Николай Фёдорович Дризен в 27 мая 1911 г., похоронен на гарнизонном кладбище в Двинске.

Эриксон

Потомкам, даже в далёком колене, в школах объяснят, что в 1917 году произошло историческое для Отечества событие. Как объяснят – сегодня предсказать трудно. Даже в год столетнего юбилея учёные внуки и правнуки свидетелей и участников тех событий не могут прийти к единой оценке, а трещины, прошедшие через некоторые семьи, не заживают.

Символами тех событий, почти уверен, сохранится выстрел носовой пушки крейсера «Аврора» и гранитный монумент, установленный на Английской набережной р. Невы в С.-Петербурге.

В ноябре 1948 года у Петроградской набережной Ленинграда ошвартовался крейсер «Аврора». Накануне своего пятидесятилетнего юбилея крейсер стал на вечную стоянку в родном для него городе. Участник трёх войн – Русско-японской, 1-й Мировой, Великой Отечественной, избородивший многие моря и океаны, он заслужил покоя. Участие же в событиях 1917 года избавило крейсер от традиционной участи – его не сдали в металлолом.

«Аврора» была переоборудована в музей, в котором представлена история не только крейсера, но и, частично, российского флота.

После заключения мира со Швецией и присоединением в начале XIX века Финляндского княжества к России сюда потянулись служивые люди. Среди них была и шведская семья потомственных моряков Эриксонов из Стокгольма, переехавшая в Финляндию. Один из них – Юстус Адольфович Эриксон, дослужился до вице-адмирала, был в почёте, занимал немалый пост в управлении лодий Финляндии и за длительную безупречную службу был отмечен российским императором, получив потомственное дворянство.

Производство по службе не отставало от производства детей, с женой Кристиной Густавной у них их было семеро.

Старшая дочь Одалинда вышла замуж за Федора Карловича Авелана (1839 – 1916), который известен как Морской министр Российской Империи с 1903 по 1905 годы.

Младший сын Юстуса – Адольф Фридрих (в документах Адольф Адольфович), не пошёл по стопам предков, окончил в Швеции агрономический лесной институт и удалился подальше от морского приюта в сельцо (хутор) Ново-Елизаветино Спасской волости Сычевского уезда Смоленской губернии.

Это имение было приобретено, либо досталось в наследство за женой. Как и где Адольф присмотрел себе невесту неизвестно, но дочь курского помещика Новикова Евгения Ивановича (будущего прапрадеда составителя очерка) Наталья стала носить фамилию Эриксонов.

Имение было небольшим. Растили троих детей – Николая и Евгения, и дочь Наталью. Общение с водной стихией в детские годы у мальчиков происходило либо в весенних ручьях, либо летом в речках да прудах.

Но гены шведских шкиперов дали себя знать. И оба – Николай и Евгений Эриксоны запросились на учёбу морскому делу в Петербург.

Николай Эриксон учился прилежно, без труда переходил из класса в класс, в 1908 году произведён в младшие унтер офицеры. Курсанты изучали не только теорию, с третьего года обучения они ежегодно находились в море по несколько месяцев – на учебных судах и на боевых кораблях. С крейсером «Аврора» Николай впервые близко познакомился в 1908 году, потом судьба постоянно сводила его с этим кораблём, ставшим родным домом. В 1910 году, после сдачи экзаменов, произведён в мичманы, зачислен в Балтийскую флотилию Служба складывалась удачно, походы, назначения на новые корабли, смотры, благодарности. В 1913 году после окончания штурманских офицерских курсов произведён в лейтенанты.

Война началась для Николая Эриксона на канонерской лодке «Сивуч», где он был штурманским офицером. В 1915 году он был назначен на крейсер «Аврора», на котором прослужил до 1918 года, когда корабль был поставлен на консервацию. За участие в боевых действиях на Балтике награждён четырьмя боевыми орденами – Св. Станислава 3 и 2 степени, Св. Анны, Св. Владимира 4 степени.

С отречением от престола Николая II на крейсере началась новая жизнь. Многие офицеры с удовольствием срывали свои погоны, демонстрируя приверженность грядущим преобразованиям, команда корабля выбрала судовой комитет. Матросы на трапе корабля расстреляли командира – капитана 1 ранга Никольского Михаила Ильича, которого команда и многие офицеры не любили за высокомерие и жестокость. Избрали командира крейсера – старшего лейтенанта Никонова, старшим офицером – Эриксона.³⁶ Вскоре выборный командир покинул крейсер.

Николая Эриксона все это раздражало, хотя внешне он был как всегда подтянут, собран. Ещё больше пытался оградить себя рамками службы. «Аврора» была пришвартована у стенки завода в Петрограде для текущего ремонта.

Часто бывал на берегу, видел все происходящее в Петрограде. В Адмиралтействе, где размещалось командование балтийской флотилией, также отсутствовал порядок, офицеры штаба были растеряны, решения принимались противоречивые, непоследовательные.

Командующий флотом Балтийского моря назначает лейтенанта Эриксона Николая Адольфовича командиром крейсера «Аврора».

На корабле продолжалось двоевластие, комитет контролировал даже секретную переписку командира с командованием флота. Однако Эриксон нашёл приемлемую форму общения с председателем комитета матросом Александром Бельшевым, которая не мешала выполнению служебных задач. Но терпение командира было уже на исходе.

---

³⁶ Старший офицер корабля – первый заместителем командира и прямой начальник всего личного состава, руководитель боевой подготовки экипажа и повседневной деятельности боевых частей и служб корабля. Штат (экипаж) крейсера более 500 человек.

В служебных заботах командира крейсера время бежало стремительно. Приближалось 25 октября 1917 года. Двоевластие на корабле поддерживалось с берега. Центробалт, возглавляемый большевиком Дыбенко, направлял свои директивы в судовые комитеты кораблей, военное командование – соответствующим командирам.

Днём 24 октября в судовом комитете Антонов-Овсеенко, секретарь Петроградского военно-революционного комитета, на карте ставил задачу Бельшеву: вывести крейсер в Неву, захватить Николаевский мост и свести его для пропуски на Дворцовую площадь верных большевикам воинских частей, направить орудия на Зимний, чтобы их жерла были видны министрам Временного правительства из окон дворца.

Поздно вечером к «Авроре» подошли буксиры, крейсер стоял под парами. Бельшев направился к командиру с предписанием Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Эриксон в категорической форме отказался выводить крейсер в Неву, сославшись на большую вероятность посадки корабля на мель.

Бельшев вернулся в судовой комитет ни с чем. Но понимая, что Эриксон прав, послали шлюпку для промера дна. Бельшев принёс командиру влажный лист с неровной линией фарватера. Осадка «Авроры» обеспечивалась. Эриксон не стал смотреть, сказав, что ночным промерам не верит.

Судовой комитет забурлил. Наиболее решительные предложили поступить с командиром, как и с предыдущим – расстрелять и за борт. Бельшев, уважающий командира за опыт и честность, на всякий случай запер его в каюте и поставил охрану. Приняли решение выводить крейсер без командира.

Заработали винты, выбрасывая из-под кормы мутные потоки. Задрожали палубы и переборки от работы машин. Эриксон потребовал, чтобы его проводили на капитанский мостик.

Трудно сказать, что заставило Николая Адольфовича принять это решение. К сожалению, мы не располагаем никакими данными, и не знаем – пытался ли он позже устно или письменно объяснить эти события. Наверное, весь этот период тяготил его своей алогичностью. Даже в начале 20-х годов, когда из «командирства» на «Авроре» уже можно было выжать какой-то политический капитал, он не говорил даже своим московским родственникам о том, что командовал «Авророй» в октябрьские дни 1917 года.

Причину его решения нужно искать в чувстве долга, преданности Эриксона своему делу. Ещё были свежи раны Моонзунда,³⁷ флот разваливался в результате политических игр, война не кончилась. Посадить в это время на мель только что отремонтированный боевой крейсер – такого позора командир никогда не смает никакими отговорками.

---

³⁷ 12 – 20 октября 1917 г. в районе пролива Моонзунд произошло кровопролитное сражение германских и российских сил флота, которое было проиграно Россией.

События наступившего 25 октября уже развивались по сценарию большевиков.

Боевой корабль, вооружённый 14 дальнобойными шестидюймовыми орудиями, укомплектованный опытной командой, с налаженной службой и хорошей дисциплиной, представлял собой плавучую крепость. В Петрограде в это время не было такой воинской части, которая по своей силе и организованности могла бы быть противопоставлена «Авроре».

Николай Адольфович Эриксон воспринял события октября 1917 года как историческую неизбежность и остался на крейсере.

В связи с прекращением военных действий на море и отсутствием средств, в июне 1918 года было принято решение о консервации крейсера.

Эриксон был списан с крейсера «Аврора» в распоряжение штаба флота, в котором он прослужил два года начальником общего отдела оперативной части.

Сомнительная фамилия – сказал мне отставной пожилой каперанг, начальник музея на крейсере «Аврора» в 1991 году, когда я, будущий составитель настоящей повести, спросил, почему в галерее командиров крейсера нет портрета Эриксона.

По информации ФСБ Николай Адольфович Эриксон был арестован 12 ноября 1919 года по обвинению в членстве в Петроградской контрреволюционной организации. 13 марта 1920 года заключён в лагерь «до конца гражданской войны». По заключению Главной военной прокуратуры от 4 июля 2001 года Эриксон Н.А. реабилитирован.

Дальнейшая судьба Николая Адольфовича Эриксона таит в себе много неясностей и восстановлена по воспоминаниям родственников и редким публикациям и документами. В 1923 году Николай Адольфович Эриксон приехал в Москву с женой Эммой Яковлевной, которая была дочерью английского коммерсанта, имеющего какие-то дела в России.

В Москве уже жила его мать – Наталья Евгеньевна, вместе с дочерью Натальей Адольфовной, её мужем и внучкой.

Вскоре Николай Адольфович с Эммой Яковлевной уехали за границу.

В начале XXI столетия крейсер «Аврору» посетила внучка Николая Адольфовича Эриксона, которая показала фотографию могилы деда в Монреале. К сожалению, на этом интерес работников музея и закончился. Из-за поразительного равнодушия они не сделали никаких записей об имени внучки, где живёт, как с ней связаться. Попытки найти потомков Николая Адольфовича Эриксона были безуспешны.

Но благодаря Евгению Соколову, сотруднику газеты «Наша Газета» и журнала «Остров Монреаль» издающихся в Монреале на русском языке, удалось установить место захоронения Эриксона и напечатать очерк о нем его.

PS. Зигзаг истории. В 1918 был демобилизован комиссар «Авроры» Александр Белый. Вернувшись домой во Владимирскую губернию обнаружил, что

имущество его родителей, заработанное тяжёлым трудом успешных сапожников, реквизировано большевиками. До середины 60-х он не афишировал своё комиссарство на Авроре. И только к 50-летию событий его разыскали вместе с оставшимися в живых матросами «Авроры» и подняли на щит славы. Умер в 1974 году в Ленинграде.